ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

10-го декабря 1929 г.

ПРАГА

49

10-го грудня 1929 р.

PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ОЙ

РІК ВИДАННЯ 3-ИЙ

М. Битинскій

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Любовь Самсонова:* На перепутьи.
2. *Людмила Костина:* Ночь у моря.
3. *Я. Рудик:* *** Стихи.
4. *Петр Крюков:* Заря над Доном.
5. *Вадим Курганский:* Конец Степана.
6. *Микола Оверкович:* Перед бурею.

7. Наша программа.
8. *Ис. Быкадоров:* О вооруженных силах. Казакии.
9. Инж. *В. Бейсуг:* О казачьих Фордах и массе.
10. *В. П. Елисеев:* Казачий Берег.
11. *Санжа Балыков:* Этапы калмыцкой эмиграции.
12. *А. А. Гейман:* Как жили на Кубани „иногородние".
13. Думы и мысли.
14. Международная жизнь.
15. Казачья старина в изображении иностранцев.
16. Казачья эмиграция в иллюстрациях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Югославия. — М. П. — Получены. Большое спасибо. Привет.

Братислава. — И. Б. — Получено. Привет.

Бразилія. — С. С. — Одержано. Вітаємо.

Брно. — В. К. „Басня" получена. Привет.

Белград. — Б. К. — Все получено. Привет.

Болгария. — Б. Н. — Цена календаря-альманаха назначена минимальной $^1/_2$ ам. доллара. Думаем, что это немного за книжку прибл. в 250 страниц. Бесплатно календарь может быть послан только в исключительных случаях.

Небольшое (на неделю) опоздание об'ясняется увеличением размера с 25 до 30 печатных листов — Привет!

Югославия. — Г. А. — Фотография получена. К сожалению бледно-коричневых фотографий использовать не можем, т. к. из них нельзя сделать клише. Присылаемые фотографии должны быть черные и четкие. Привет.

Париж. — П. — Получено. Привет.

Румыния. — В. Е. — Получено. Что касается календаря, — все будет сделано, как пишете. Календарь будет рассылаться между 15 и 20 декабря. Привет.

Белград. — М. М. — Получено. Воспользуемся. Привет.

Подк. Русь — В. Т. „Обо всем" получено. Ответ подробный письмом. Привет.

Болгария. — В. Б. — Получено. Привет.

Франция. — И. С. — Адреса получены: журнал будет послан. Привет.

Париж. — С. С. — Хорошо. Привет.

Болгария. — И. У. — Книги Вам будут посланы. Привет.

Белград. — В. К. — Получено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ПОДЄБРАДАХ: **Ф. М. Штовхань.**

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов.

София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аникаков.

С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom".

ВО ФРАНЦИИ.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).
Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Е. М. Якименко: M-eur Yakimenko,
44, rue Rouelle, Paris (15).

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff,)
21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В ПОЛЬШЕ:

В. А. Донецкий. Warszawa.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhošťská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 49 *Прага, вторник 10-го декабря 1929 г.* *№ 49*

Любовь Самсонова. (*Прага*).

НА ПЕРЕПУТЬИ.

Лети мой конь,
Несися вскачь!
Чей это стон,
Чей это плач?..
Не все ль равно? Вперед!
Мне помнится... давно... давно...
Об'ятья матери... народ...
Искривленный от муки рот
Слепого старика отца...
В оковах руки, хлад свинца
И вкус крови...
Не все ль равно, что впереди?!
Вперед!!
На перекрестке трех дорог
Сдержать усталого коня...
Который путь избрать, куда?..
— Направо ворог злой залег,
Налево черт грозит клюкой...
Поехать разве по прямой:
Где за холмом чуть-чуть видна
Родная, горькая страна?!.
Как, мне узнать, что это ты?
Не сбиться по пути домой? --
Дорогу кажут мне кресты,
Да воронов крикливый рой.
Колючка, горький саксакал,
Солено горькие пески...
Видать во век не иссякал
В твоих степях родник тоски...
Родник из горьких, вдовьих слез...
А семена кто к нам занес,
Чей ветер разбросал в степях
Колючку в легких ковылях?!
К нам путь зарос,
К нам путь заглох...
Его заплел
Чертополох!
Рубися с чертовой травой,
Не то, не пустит нас домой!
„Нечай", казак, „нечай"!
Эй друг, станишник, выручай!
Сюда браток! Сарынь под высь!
Рубись казак, не трусь, крепись!
Размечешь острые шипы.
Где путь скрещают три тропы —
Не ошибись!
Езжай прямой --
Своей дорогой, не чужой!

Людмила Костина. (*Югославия*).

НОЧЬ У МОРЯ.

Смерклось... Уже полусонные тени скользят мимо стройных деревьев и прячутся в черных утесах, что гигантскими глыбами падают к морю. Волны журчат...

О чем? Не о тайне ль земного творенья? Не о жизни ли, полной забот и волнений? Но их песня тиха, как неясный шепот влюбленных, вдыхающих сладкий дурман в эту ночь. О любви поет синее море, и жмется к утесу волна, разметав серебристые кудри...

Все наполнено негой, ароматом пьянящих цветов и свежестью моря. Тихо вокруг... Смотрится месяц в стекла дремлющих вилл, заплетаются тонкие нити в кружевах опустевших балконов, серебрят их холодный безжизненный мрамор. Тишина... Только море плещет скрывая красивую сказку любви...

С рукою рука, неслышно скользит по темным аллеям одна молчаливая пара. Луч месяца тонет в его темно-карих глазах, скрывающих трепет неясной надежды, и робко играет в каштановых кудрях тоненькой девушки, похожей на хрупкий цветок.

Зачем говорить? В эту ночь бесполезны слова! Лишь взгляды сплетаются в новых порывах любви, лишь сердце невольно трепещет и вторит немому призыву.

Тихо скользит одинокая белая пара. Тают во мраке ветвей светлячки и снова горят... Ниже склонилась головка к плечу черноокого юноши, оба молчат... оба дышат одною любовью, светлой, тихой, беззвучной, глубокой, как это далекое небо, что шлет им в серебряных нитях свой первый привет!

Зачем им слова? Ведь за них говорят светлоокие звезды, за них шелестят лепестки ароматных цветов, за них непрестанно шумит своим долгим волнующим шумом вечно живое, вечно дрожащее море!

Так зачем говорить в эту тихую южную ночь?!!

Я. Рудик. *(Прага).*

* * *

Уже гармати відгреміли...
А рани ще не відщеміли...
І плаче мати від розлуки...
І там, і тут великі муки...
І тільки ворог бенкетує,
І над країнами глузує.
І слава й воля не лунає,
А десь тихесенько дрімає.
Хіба-ж до рук шаблюк не брали?
Хіба-ж у муках не вмірали?
Хіба-ж не мріють там могили,
Де волю в полі боронили?
Ще степ почує дзвін підкови,
Сурми до бою дружні зови.
Заграє промінь на шаблюках,
Умре вампір в крові та муках.
І там, де чувся дзвін сталевий,
Замріє волі квіт рожевий!
З вогню і крові встане Мати
І збере синів до хати!

Петр Крюков. *(Франция).*

ЗАРЯ НАД ДОНОМ.

Всполыхнулась заря над шумящей рекой
И окрасила волны багрянцем.
Облачка кучерявые с светлой каймой
Озарились стыдливым румянцем;
Пеленою густою поднялся туман
Открывая картины родные;
Горделиво задумался старый курган:
Вспомнил, видно, про были седые.
Зашумел тихо лес: ветерок налетел.
Вот зеленый камыш, наклоняясь
К величавой реке, свои песни запел,
В волнах Дона игриво купаясь.
Вот и старый рыбак переметы глядит.
— Эй! Здоров ночевал? Бог на помощь! —
— Слава Богу, соколик!.. Спина вот гудит...
Эх, ты старость проклятая! Немощь!
Что так рано? На зорьку взглянуть захотел?
Ну, за дело-то, вишь, молодое!
А уж нам, старикам, лишь болезни в удел...
Погляди, мой болезный!.. Родное!..
И гляжу на зарю и на волны реки,
На зеленый камыш, на курганы;
Как ныряют в волнах на лету „мартышки“,
Как вздымаются к небу туманы...

Вадим Курганский. *(Белград).*

Конец Степана.

(Отрывок из романа „За Казачество“).

Кубань шумела глухо и недовольно... В мутноватой, белесой глади под высоким берегом плясали отражения нависших над водою кустов... Невдалеке уступами взбирались все выше к тяжелому осеннему небу отроги гор... Кавказ — вековой каменногрудый, исполинский богатырь...

Степан проснулся от страшного давящего кошмара... Ему заново чудились разбросанные хаты станицы... и вишневый сад за белой мазанкой... и хруст ветвей под ногами... и две фигуры под тенью ветвей... Блеск кинжала, и отчаянный крик, и жуткое хрипение в высокой траве... и кровь... потоки крови на белом кителе...

„Убив!.. Рятуйте, хто в Бога віруе!“

Он вскочил на ноги, озираясь по сторонам... Сердце остановилось в груди, воздух казался густым и тяжелым, не проникая в судорожно расширяющиеся легкие... Дрожащие руки конвульсивно захватили ствол ружья...

Вокруг все то же... Урчат волны, ветер качает мохнатые верхушки поблекших кустов, да стонет вдали, в теснинах гор...

Степан медленно опустил голову, мутный взгляд его остановился на кинжале... Почему не до рукоятки вдвинуто в ножны стальное лезвие?.. Машинально нажал рукой — не поддается... Ах да — кровь мешает!.. Вот она — черная, страшная, сгустками запеклась на острие...

„Убив!.. Рятуйте, хто в Бога віруе!..“

Эх, Катря, Катря, ненько моя!.. стоном вырвалось из груди... Убил!.. Не выдержал — загорелось сердце... Эх, Катря, за тебя убил!.. За твои косы тяжелые, за твои очи черные, за твои губы алые — что целовал тот, другой... И откуда взялся только?.. С Севера, издалека — мало ему девок своих стало, что-ли... Эх, Катря, Катря!..

Ну, а теперь что же?.. Одно только — в горы!.. Только там, в каменных недрах и спасение... Горцы... эх, да что там — поймут!.. Знают ведь, что значит бороться и умирать за свое...

Встал... Как одеревенелые не шевелились, не слушались ноги. Ремень ружья резал плечо... В глазах — белый китель, да кровяные узоры на нем, а в ушах все тот же — любимый и страшный, родной и далекий голос — „Убив!.. Рятуйте, хто в Бога віруе!..“ Эх, Катря — за тебя убил!..

Замирал в отдалении ропот Кубани... Резанул грудь острый воздух гор... Прощай Кубань, прощай степь родная, прощай Катря!.. Скрипнули зубы от тоски и обиды — выгнали!.. Везде добираются, отовсюду гонят! С Днепра — на Буг, с Буга — на Дунай, и в Турцию, и на Кубань — потоки крови, смерть и горе... Эх — слава казачья!.,

Шел долго, не останавливаясь, задыхаясь на крутых под'емах... Далеко, далеко где-то позади заглох шум многоводной... Обступили горы — угрюмые, скалистые, диким кустарником взлохматившиеся. Все выше, да выше — конца края не видно,а то ли еще дальше будет!.. В небо самое верхушками уперлись — вершины поверх облаков высятся — внизу дождь идет, а на верху сухо, солнце светит... А то и снега лежат вечные, высоко под самым небом...

Из под ног катились мелкие камни... Долго еще итти нужно, пока до жилья доберешься — все дальше в каменные недра уходят вольные горцы... Наседают с Севера, давят, тянутся все дальше и дальше... Выставили вперед заслоны несокрушимые — Казачество — да и нажимают сзади — расширяйте пределы наши, укрепляйте славу Белого Царя, да заодно и себе *новых мест поищите, а эти и нам нужны*...

Обернулся назад, поглядел... Сквозь уступы мутнеет — далекий Север... Страшным веет оттуда, давящим... От одного моря — до другого, от другого до третьего, и еще, и еще — мало, мало!.. Стиснул зубы, да зашагал дальше — с насиженного места прочь на чужбину!.. А сердце щемит девичий смех ласкающий, черные косы дразнят и манят... А между ними — и им — белый китель офицерский, да кровь!.. Катря!.,

Махнул рукой, поправил кинжал, да и зашагал дальше... Выше да выше, а ноги болят от ходьбы, а на сердце тоска камнем вниз давит, и ступни, как огнем жжет — чувяки то драные... Э, да что там...

Перед глазами серой мохнатой стеной вырос утес... Не пройти!.. Назад поворачивать — тут не пройдешь, а ведь там уже ищут наверно... Рыщут со штыками, травят... А поймают... Нет уж живым не дамся, шутки!..

Повернул назад, медленно побрел по острым камням и вдруг насторожился, точно подобрался весь, судорожно сжав винтовку.., Выстрел?.. Или почудилось просто?.. Нет вот еще!.. Осторожно, ползком подобрался к краю уступа, глянул вниз и понял...

По крутым, желто-серым склонам карабкались, рассыпавшись частой цепью, белые фигуры... Тускло поблескивали штыки... Нашли, выследили!..

Быстро осмотрелся вокруг и понял — выхода нет... Забрался сам в ловушку, как медведь в берлогу... Тут круча, вверх и кошка не влезет, не то что человек, там — они!.. Конец всему!..

Понял — и сразу успокоился точно улеглось что-то внутри мятущейся души. Спокойно осмотрел ружье, подсыпая пороху. Эх, жаль — шашки нет — одним кинжалом много не сделаешь...

Зашуршали, покатились под уклон, запрыгали по уступам мелкие камни... За изгибом тропинки кто то подвигался сюда... Что это — уже?.. Вскинул ружье — палец на курке... и опустил... Из-за поворота, точно волк затравленный, в пыли, с кровью смешанной, выполз человек... Черкеска изорвана, папаху потерял где то, черные волосы взлохматились и прилипли ко лбу... По чувяку бежала красная струйка — ранен... Брови, кажись в одну линию вытянулись, а из под них глаза горят злобой, ненавистью... Горец, сразу видно — черкеска изодранная, а шашка да кинжал — в серебре...

Встретились две пары глаз — карие — казачьи и черные — черкесские... Долго глядели друг на друга — оба изодранные, окровавленные, оба — затравленные... Ни слова не сказал ни один из них, но оба поняли...

„Урус яман, яман урус!..“ сквозь стиснутые зубы вырвалось у горца... Обернулись оба, посмотрели вниз. По склонам все ближе карабкались — уже ясно видно — солдаты... Русые волосы, кепи, штыки, погоны...

Без слова вместе отошли в сторону, вскарабкались сколько можно выше и залегли в кустах над тропой на маленьком тесном уступе... Весь склон — как на ладони, каждую белую фигурку ясно видно... Залегли тесно — бок о бок, касаясь друг друга плечами. Блеснули стволы. Горец торопливо снял с головы казака папаху и высыпал туда порох — чтоб под рукой был. Степан прибавил и свой туда же... Еще раз поглядели *друг на друга, улыбнулись и крепко крепко пожали* руки...

Два ствола поднялись вместе, блеснули и замерли неподвижно... Все ближе карабкались белые фигуры, уже слышны были слова команды... По горячему следу!..

Взвились рядом два облачка дыма, колыхаясь в воздухе и сливаясь в одно... Заскрежетали шомпола, забивая новые заряды, засуетились, забегали по склонам белые фигуры, неровно ответили на нежданное приветствие и поползли, прячась за каждый выступ, вверх... Чаще и чаще гремели выстрелы, дым заволакивал кустарник... В просветах, когда ветерок сносил дым, все ближе виднелись белые фигуры... Не остановить — ползут... А порох кончался, все уменьшалась горка в рваной папахе... Как то особенно, точно прощальный погребальный салют прозвучали, слившись воедино, два последних выстрела и сразу наступила тишина... Только хрустели внизу камни, да чудились напряженному слуху близкие шаги...

Казак и горец выпрямились... Блеснули лезвия обнаженных шашки и кинжала. Горец с размаха разбил приклад своего ружья о камень. Степан схватил свое за ствол — все надежнее против штыка, чем кинжал...

Еще момент и над краем уступа показались бледные; усатые лица, острой щетиной скользнули штыки... Лязгнула сталь о сталь — штык разорвал широкий рукав черкески и со звоном сломался о скалу... Шашка свистнула... Кровь, опять кровь!..

„Рятуйте, хто в Бога віруе!..“

Эх, Катря, Катря!...

Молодой безусый поручик бледный как полотно, с трясущимися губами, скомандовал отбой... Опьяненные, озверевшие люди отшатнулись назад, оставив у подножья скалы два трупа... Несколько тяжело раненых и убитых солдат лежало вокруг...

Где-то далеко в недрах каменных ущелий плакал шакал...

Микола Оверкович (Прага).

ПЕРЕД БУРЕЮ.

Рипить ярмо, свистить батіг,
Трясе степами зойк лайливий:
Невільник оре переліг
Чужинцеві на рідній ниві...
Поблиз могил сумує ряд
(Сліди недавнього змагання);
У них борці за волю сплять,
А инших гаснуть дні в вигнанні,
Скрипить ярмо, свистить батіг,
Над краєм стогін і ридання:
Невільник оре переліг
Під згук пісень сумних й зітхання...
О, ниво, під чужий чобіт
Хилися колосом доспілим!...
Ти ж вгноєна козацьким тілом,
Росить тебе сльоза і піт...

*

Та ось, на тихім небозводі
Вже хмари купчаться страшні,
Як заповіт новий свободи,
Як символ нової борні;

І в мряці хмар тих над степами
Орел крилом уже тремтить
Й на бій останній з ворогами
Козацький дух благословить.

*

Прийдуть, прийдуть великі дні!
Замовкне стогін без надії —
Заграють сурми мідяні
І вдарють громи огневії.
Умре безсилая любов,
З могил свята ненависть встане;
І потече по нивах кров,
Розітнуть небо урагани.
Терпіння згаснуть. У ночі,
Слізьми обливши свої рани,
Раби перекують кайдани
На списи, стріли і мечі.

*

Й тоді над рідними степами
Блисне визвольна булава,
І між козацькими синами
Воскресне слава бойова;
І вдарить кінь тяжким копитом
І плуг застряне на ріллі,
Й на нивах, соромом покритих,
Заблещуть точені шаблі;
І серед грому бойового
Задзвонять шумно стремена,
І на наїзднika чужого
Повстане рідна сторона.
І побіжить в німому жаху
Тоді гнобитель-чужинець,
Чи впаде із сідла їздець,
Чи зложить голову на плаху...

*

Прийдуть, прийдуть великі дні!
І замовчать тужливі струни,
І гнівом загремлять перуни
В останній визвольній борні...

1929.

Наша программа.

Два года тому назад вышел в свет первый номер журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво", поставивший себе основную задачу — об'единить и сплотить все живые силы Казачества около идеи государственной самостоятельности Казачьих Земель.

Четко и ясно поставили мы вопрос о том, что пришла пора прямо и открыто говорить казакам с казаками, что наступило время, когда Казачеству самому нужно брать свою историческую судьбу в свои руки.

Долго „опекали" нас одни. Кроваво „экспериментируют" над нами другие. И те и другие чужие. Пора казакам думать самим о себе. Будущее Казачества должно принадлежать самому Казачеству и никому больше.

Сейчас — наши Земли, наши братья — в рабстве. Мы — в изгнании. Знаем: от рабства к свободе, из изгнания к Отчизне — нет пути без боя и борьбы.

Всколыхнулось, взволновалось Казачество. Процесс „переоценки ценностей", процесс кристаллизации казачьей мысли выступлением „В. К." продвинулся вперед огромными шагами и мы глубоко верим, что недалеко то время, когда Казачество, одушевленное одной мыслью, охваченное одной идеей, соберется все под свои собственные знамена.

Доля Казачьих Земель там и судьба казачьей эмиграции здесь — стоят того.

Там — десять лет тяжелой военной оккупации наших Земель красными московскими победителями. Там — десять лет на спинах и на головах наших братьев испытываются всякие „коммунизмы" — военные и государственные, или новые экономические „политики" — напы. Десять лет организованного грабежа в виде продразверсток и продналогов, просто всевозможных налогов и контрибуций. Десять лет беспощадных расстрелов. Десять лет население Казачьих Земель упорно и с рассчетом обескровливается и хозяйственно систематически обессиливается. Десять лет московские комиссары „расказачивают" Казачество. Отворачиваются и „поворачиваются" к нему лицом (чтобы лучше бить!). Там — все лучшее, все верные закону своей Земли расселяются и выселяются все теми же старыми, „историческими" дорогами на Соловки и в Сибирь. А на Казачьих Землях растут „колонии" московские, еврейские, немецкие и всякие иные. Там — десять лет разными „дискуссиями" и „пропагандами" кремлевские диктаторы и их прислужники стараются развратить самую душу нашего народа. Там — разрезано и разделено живое тело Казачьих Земель. Там — для ослабления Казачества искусственно созданы в его Землях новые территориальные или „автономные" единицы и группировки — „Края" — „Области".

— И столько же, больше девяти лет нашего изгнания — здесь. Сколько скорби и страданий, сколько томлений за это время по нашей прекрасной, далекой Родине! Пережиты первые кошмарные месяцы эвакуации на Чаталдже и на Лемносе. Потом — уход из Врангелиады и тяжкое приспособление к заграничной чужой, нам непривычной обстановке и поиски труда, упорная борьба за существование, за самую жизнь. Пережиты времена возвращения „домой", — с искренним и неискренним примирением с советской властью. Пережита „смена вех" с возвращением и „смена вех" без возвращения. И наступил тяжелый и томительный путь нашего эмигрантского жития.

Разбросаны мы по всем странам и по материкам. Служим мы в иностранных легионах в знойной Африке; ищем счастья в Америке — северной и южной; забрались мы даже в Австралию; в поте лица своего добываем хлеб наш насущный в Югославии и Болгарии, Франции и Польше, Румынии и Чехословакии. Нет, кажется, ни одной страны, где бы сейчас не пробивал себе казак торной жизненной дороги тяжелым и упорным трудом...

Но, не только искание и добывание хлеба насущного стояло и стоит перед Казачеством эти долгие годы изгнания. Как только прошли первые трудные месяцы и физическая жизнь на чужбине была обеспечена, — перед каждым из нас встали одни и те же мучительные вопросы:

С кем и за что мы воевали, ради чего сложили казаки столько своих голов и пролили столько крови; кто были наши подлинные союзники и кто — настоящие враги, и почему борьбу мы проиграли?

И чем больше казаки задумывались над этими вопросами, над вопросами: к т о м ы и ч т о мы? — тем вернее начали приходить к мысли, что достаточно уже Казачеству быть орудием в руках других, что свои силы и свои средства нужно тратить для достижения с в о и х ц е л е й.

И неуклонно совершался эти годы процесс освобождения и отхода из под фактической и идеологической связи и зависимости от былых „вождей“ и разных российских политических партий, организаций и группировок и той части Казачества, которая вольно или невольно в такой зависимости и связи еще была. „Разочаровались“ даже те, о подобной эволюции которых еще недавно и думать было нельзя. „Разочаровались“ потому, что и они уже не видят там счастья с в о е й Родины, видят только желание всех использовать и далее Казачество, как средство для достижения своих целей, как простое пушечное мясо; видят, что союзников в том лагере у Казачества нет, — там каждый хотел бы только править и володеть им безраздельно и неограниченно.

Постепенно, медленнее у одних, скорее у других направлялась и ковалась среди Казачества мысль об „ориентации“ на самих себя, на свои Земли. И растут ряды тех, кто и раньше смел думать, говорить и бороться за то, что Казачьи Земли и Казачество само по себе являются настолько прекрасными и высокими целями, что стоит все наши силы и все наши способности посвятить Им, Их счастью, Их благополучию.

— — —

Мы живем сейчас вначале конца царства российской большевицкой компартии над народами, которые не по своей доброй воле входят в состав СССР, живем накануне великих событий, накануне второго акта той великой драмы, того большого процесса борьбы за освобождение, который так бурно начался в 1917—1920 годах на широких просторах б. Р. Империи, и первый акт которого окончился тогда победой красных империалистов из московского Кремля и оккупацией ими Казачьих Земель. Во всем мире сейчас, на различных местах, в и вне СССР, тайно или открыто, но везде идет напряженная подготовительная работа к этому второму акту — мир готовится в настоящее время не столько к ликвидации — этот вопрос является сейчас бесспорным — сколько ко второму дню после ликвидации диктатуры московского „пролетариата“ и III интернационала в „СССР“. И кто знает, как развернутся эти события „на второй день“ после падения совласти большевицко-коммунистических „рабочих и крестьян“?

Это наиболее трудная, но и наиболее важная наша задача сейчас — правильно понять то, что делается кругом нас, а прежде всего в СССР и там у нас, в Казачьих Землях, чтобы знать и свое место в грядущих событиях и не растрачивать в пустую свои силы, а с наибольшим успехом приложить их там и так, чтобы они принесли максимум пользы прежде всего своему народу — Казачеству.

И оттого, когда и насколько правильно мы поймем то, ч т о е с т ь, и сумеем предвидеть то, ч т о и к а к будет, будет во многом зависеть успех или неуспех нашей здесь политической работы или борьбы наших братьев т а м. Больше: мы должны не только предвидеть события и их возможную развязку, но и все сделать для того, чтобы они кончились так, как то отвечает действительным интересам нашего народа.

Неоднократно нами уже говорилось да и все мы, пожалуй согласны сейчас в том, что одною из основных причин наших неудач в недавнем прошлом было то, что Казачество не было готово в 1917 и ближайших последующих годах к революционным событиям в тех формах и размерах, в каких поставила их перед ним политическая действительность. Оттого и была у Казачества путаница мыслей и целей, оттого и были среди него столь гибельные разногласия. Но события по существу только начинаются и еще и нам придется в них участвовать. И если бы и на этот раз мы не были готовы, то этого не простил бы нам никто: ни люди, ни история.

И потому прежде всего; ясная мысль, ясная цель, ясная и определенная программа, н а ш а п р о г р а м м а. Такая программа, в которой конкретные задачи сегодняшнего дня совпадали бы с конечными целями далекого будущего, и какую можно было бы одинаково успешно проводить и осуществлять в жизни и им т а м и нам — з д е с ь.

Нашей конечной целью должно быть благо с в о е г о народа, с в о е й Земли прежде всего.

Осуществление блага народного, как и полный и всесторонний расцвет всех духовных и материальных сил каждого народа возможны только тогда, когда он политически свободен и государственно самостоятелен. В одинаковой мере это относится и к Казачеству. Поэтому и для Казачества, если оно хочет существовать вообще, если оно хочет себе блага так, как оно само это благо понимает, основными задачами являются восстановление и создание на терри-

ториях Земель Европейского Казачества самостоятельных государств-республик, об'единенных в один тесный братский Союз — Союз Вольных Казачьих Земель. Только при этом условии там царствовали бы: свобода и справедливые законы для всех граждан этих Земель и обеспечены бы были спокойный рост и развитие всех сторон духовной и материальной жизни народов, их населяющих. Казачество не хочет никаких диктатур и экспериментов, не хочет быть страшилищем других народов, само как член культурный и миролюбивый. Не хочет само господствовать над другими, но не хочет и чужого господства над собою.

Что же и кто стоит на пути нашем?

— Прежде всего большевицко-коммунистическая власть Москвы над нашими Землями.

А потому наша очередная и священная задача — освобождение из под власти РСФСР и СССР всех Казачьих Земель от Дона до Яика и Оренбурга, как и Земель тех степных народов, что живут вместе или между казаками.

Очевидно, а для нас это является бесспорным и обязательным, что сейчас же после освобождения, „на другой день после освобождения", в каждом Крае соберется свой Круг, своя Рада, как суверенные Учредительные Собрания, над волею которых не может быть никакой иной высшей воли. А после того, как будут положены первые камни восстанавливаемой и созидаемой государственности на Дону, на Кубани, на Тереке, на Яике и в Оренбурге, у Калмыков и Астраханцев, тогда наступит момент для создания общего: — Союза Вольных Казачьих Земель-Республик — Казакии.

Вот путь государственного строительства Казачьих Земель, как его понимает Вольное Казачество. А чтобы это было так, зарукой тому должен быть *Союз Вольного Казачества*.

Необходимым условием, основною предпосылкою возможности и успеха в осуществлении приятной нами программы является примирение в первую голову между самими казаками. Между собою нам драться не из-за чего, — попробуем найти общий язык и сговориться. В прошлом дрались мы одни с другими не за свои, а за чужие интересы. Пусть же в будущем „чужие" сами дерутся за свои интересы, а мы будем бороться вместе — за свои.

Далее нужно правильно и раз навсегда решить: на Кубани — вопрос иногородний, на Дону — вопрос крестьянский и иногородний. Это общее положение почти в одинаковой мере относится и к другим Казачьим Землям. Для решения этого „больного" вопроса нужно, очевидно, такое же искреннее, полное и взаимное примирение и соглашение казаков со старым (до большевицким) иногородним и крестьянским населением на Дону, на Кубани, на Тереке, у Калмыков... Они должны будут стать такими же гражданами Казачьих Республик, как и сами казаки. Иного решения этого вопроса нет.

Установление принципа равенства основных национальностей Казачьих Земель в области национального и культурного развития — дальнейший бесспорный пункт программы Вольного Казачества.

И, наконец, последний, такой же общий и обязательный пункт программ всех союзных организаций — отрицание всяких коммунизаций. В основу народно-хозяйственной жизни Казачьих Земель должно положить право частной собственности.

— Вот общие контуры, основные элементы нашей программы. Остальное — детали, на которых не будем сейчас останавливаться. Детали эти решаются здесь или будут решаться там каждым из членов С. В. К. в зависимости от особенностей или обстановки у каждого из них.

———

Мы знали и знаем все трудности, связанные с осуществлением такой программы, и нисколько не закрываем на это глаз, особенно на пункт первый — освобождение. Оно прежде всего потребует великах сил и великих жертв. Мы знаем также, что такие задачи не выполняются отдельными группировками и течениями или партиями, как бы сильны они не были. Они требуют и от нас сговора и соглашения со всеми теми, кто на такую программу-минимум пойти может: для решения современных заданий Вольного Казачества здесь, нужна раньше всего консолидация сил казачьей эмиграции. В истории каждого народа бывают времена великих жертв и героических повинностей. Пришли они к нам еще раз.

Как ни трудна все же эта задача — задача освобождения, — она не невыполнима. Для нас она облегчается тем, что она стоит сейчас и перед всеми другими народами, покоренными под нози СССР, а прежде всего перед нашими ближайшими и непосредственными соседями: *Украиной, Кавказскими народами и др.* То — наши естественные союзники и друзья.

Сейчас уже для всех нас является бесспорным то, что второю из причин наших неудач в прошлом, если не главною, был неудачный выбор союзников (Добрармии) и война с теми, кто мог быть союзником действительным (Украина). Союзники только тогда хороши, когда имеют общие или одинаковые цели борьбы. С Добрармией же у нас была лишь одна половина общей задачи: борьба против большевиков, а далее расхождение — боролись мы за разное. Мало того, Добрармия, собственно, и не хотела быть нашим союзником, а хотела стоять над нами. В будущем мы, очевидно, такой ошибки не сделаем. Мы боремся с большевиками-коммунистами или вели спор с Добрармией не для того, чтобы переменить „барина".

Что касается нашего отношения к русскому народу, то оно зависит и будет всегда зависеть от отношения русского (великорусского) народа к нам:

мы не нападаем, а только защищаемся. Ненависти к русскому народу не питаем и проповедывать ее не собираемся, но защищать свое право и свою свободу будем.

Самостийность мы понимаем не как изоляцию, — союзников и друзей искать себе будем, но *только на основе: вольный с вольным, равный* с равным. Такие союзники у казачества есть.

С программой, которую мы в общих чертах выше изложили и с намерениями, о которых мы здесь говорили, два года тому назад и выступило открыто „В. К."

Выходя в свет, „Вольное Казачество" звало в свои ряды всех тех, кто хочет защищать свою волю; кто не хочет ничьего господства над собою, от кого бы оно ни исходило и как бы оно не называлось; кто считает, что Казачеству нужно прежде всего думать о себе и о своих Землях *бороться за свое право и свою свободу и* предоставить каждому народу устраивать свою жизнь так, как он того хочет.

Оглядываясь на эти два года работы, мы не можем скрыть своего величайшего удовлетворения: зерно, брошенное „В. К.", упало на хорошую почву. С открытым лицом и чистой совестью, можем сказать уже: дело „Вольного Казачества" стало делом самого Казачества.

Ис. Быкадоров.

О вооруженных силах Казакии.

Существование всякого независимого государства всегда связано с существованием в нем вооруженной силы — армии, — элемента, обеспечивающего внешнюю *безопасность государства.*

Никакие гарантии, договоры и обязательства, до сих пор по крайней мере, не могли обеспечить внешней безопасности любой страны.

Вопрос о разоружении государств является не более, чем химерой, во всяком случае для ближайшей эпохи. Дело пока сводится не к разоружению, а всего лишь пока к постановке вопроса о сокращении вооружений, к сокращению громадных военных бюджетов.

*Но, когда вопрос касается практического осуществ*ления даже только в этой области — сокращения вооружений, — то не находится обыкновенно того масштаба, по которому сокращение можно было бы произвести без изменения соотношения сил и средств между договаривающимися государствами. Наоборот, каждая сторона, естественно, сокращением вооружений стремится изменить соотношение как раз в свою пользу.

Не лучше обстоит дело и с ограничением вооружений, как и со стремлениями исключить из военного обихода некоторые средства борьбы. В мирное время можно сколько угодно ломать копья об исключении, напр., химических и бактериологических средств, или подводного флота, но во время самой войны государство, раз другими средствами не будет даваться победа, безусловно, обратится к использованию всяких, средств, как бы они ни были „не гуманными" раз это будет необходимо для самозащиты или достижения победы. Как можно исключить подводный флот, минные средства в ведении морской войны, если оборона многих приморских государств может основываться в значительной мере только на них (за неимением достаточ*ного дорого стоящего линейного флота). Подводный и* минный флот — единственное не только пассивное, но и активное средство борьбы малых приморских государств против великих. Проведение таких ограничений со стороны великих держав в отношении малых было бы не общим разоружением, а просто обезоружением их.

Было бы наивным полагать, что самоопределение народов Вост. Европы — образование ими государств, — *может осуществиться без вооруженной борьбы, а* государственное бытие их может быть обеспечено только лишь признаниями, союзами, договорами. Они безусловно необходимы, но необходимо у них, в том числе и у Казакии, существование и вооруженной силы — армии.

Создание вооруженных сил (армии) и существование их в государстве (или государствах) должно исходить из разрешения единой задачи — обеспечения внеш*ней безопасности государства. Шире: армия яв*ляется средством для разрешения вопросов внешней политики государства вооруженными силами.

Нередко на армию возлагалась задача обеспечения и внутренней безопасности государства, т. е. существующего в нем государственного и социально-экономического строя.

Природа вооруженной силы (армии) требует, чтобы *она была вне политики, а вне политики она будет в* действительности только тогда, когда на нее не будет падать обязанность защищать существующее правительство, государственный и социальный строй. Чем шире на армию возлагается задача обеспечения внутренней безопасности, тем сильнее страдает устройство и подготовка ее (исключается необходимая территориальная и национальная система комплектования) к ведению внешней войны. Внутренняя безопасность должна обеспечиваться *другими средствами и способами и*, прежде всего, надлежащим разрешением внутренних вопросов, соответствующим законодательством, реформами и т. д.

При существующей у большинства государств всеобщей воинской повинности, кратких сроках службы эта вторая задача и невыполнима.

Посему при создании вооруженной силы в Казакии (или в государствах ее) на нее должна и может быть возложена только одна задача — обеспечение внешней безопасности, она должна являться орудием исключительно для внешней политики.

В современную эпоху существует, так сказать, нормальная, научно и практически признанная наилучшей, система создания сил и средств обороны превращением всего населения государства „в вооруженный народ".

В мирное время в государстве существует постоянная армия (кадры будущих), комплектуемая на основах всеобщей воинской повинности. Пропуском через ряды армии, при коротких сроках службы, военно-обязанные превращаются в военно-обученных; в государстве *образуется запас людей, дающий возможность* при наличии всех необходимых технических средств обращения всего государства в вооруженный народ.

Постоянная армия и является лабораторией, через которую государство превращается в вооруженный народ в случае войны.

Существуют и другие системы: создание армии путем вербовки и милиционная. Первая из них стала обязательной для побежденных в Мировую войну госу*дарств (Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии).* Армии этих государств установлены (победителями) ограниченной численности, комплектуются они не на основе всеобщей воинской повинности, а вербовкой (наймом) на 10 л. срок службы, что исключает возможность пропуска военно способных через ряды армии и накопление запаса военно обученных в государстве. Изо всех мер и способов обезоружения победителями побежденных это самая тяжелая для побежденных и *самая действительная для победителей,*

В Германии в настоящее время является, напр., модным вопрос трактования преимуществ существующей армии — профессионалов, но это не более как приятная мина после неудачной игры.

Помимо других условий, эта система дорогая для

государства и не дает возможности создания вооруженных сил достаточной численности, а численность всякой армии один из важнейших факторов.

Милиционная система также не приемлема для Казакии. При милиционной системе вооруженные силы будут всегда уступать в подготовке постоянной кадровой армии и в скорости мобилизации, в готовности к войне.

Уже из изложенного видно, что в Казакии должна существовать постоянная армия (или армии), комплектуемая на основах всеобщей воинской повинности.

Если мы возьмем нормальное соотношение между населением государства и его постоянной армией, существовавшее и существующее ныне в Зап. Европе в 1% от населения, то постоянная армия Казакии определится, при 12 м. населения, приблизительно в 120 тыс. Постоянная армия в 120 тыс. вполне достаточна для обеспечения внешней безопасности государства, для развертывания необходимых сил во время войны. При этом воинская повинность не будет ложиться более тяжким бременем на население, чем это было у казаков раньше, а при принятии Казакией соответственных мер, на которые укажем ниже, тяготы могут быть значительно облегчены.

Такая армия в 120 тыс. в военное время дает возможность Казакии развернуть ее силы приблизительно до 1,200.000 чел. во время войны.

Что б не представляла в будущем Казакия: союз ли государств, союзное государство, федерацию их, или, наконец, автономные единицы, во вне она должна иметь единую дипломатию и единую вооруженную силу. Только при этом условии может быть решена задача о безопасности ее в целом.

Единство вооруженной силы (армии) разумеет не только установление единого верховного командования во время войны, само собой разумеющееся, и единства в создании и существовании самой армии.

Под армией мы разумеем совокупность всех вооруженных сил и средств Казакии.

Единство армии должно заключаться: в едином генеральном штабе, ведущем всю подготовку не только вооруженных сил, но в современных условиях и всего государства к войне: единого плана войны, единой системы мобилизации, единых средств борьбы и т. д.

Поясним примером. Было бы крайне вредным, при известных условиях грозило бы и катастрофой во время войны, если бы у одной государственной единицы Казакии винтовки и пушки были одной системы и калибра, а у других иной, и патроны и снаряды одной вооруженной силы не подходили бы к таковым другой. Или ширина колеи, вагоны, паровозы железных дорог одного государства Казакии были бы не тождественны другого, не давали бы возможности превращения всех железных дорог страны в единую жел.-дор. сеть для мобилизации армий и переброски во время войны.

Единство армии и всей экономики на время войны требуется и особенностями Казакии: отдельные члены ее не имеют достаточной глубины своей территории, поэтому на время войны и тыл Казакии для ведения войны должен быть единым.

Качество вооруженных сил определяется прежде всего самим качеством народа или народов, из которых она комплектуется.

По опыту Мировой войны и революционных войн 1918—20 г. из всех народов Вост. Европы наивысшими боевыми качествами отличаются казаки и украинцы. Тех и других около 70%, они составляют сельское население Казакии — интересы их общие, по быту они близки. Для того, чтобы население боролось за свое государство с полным напряжением, необходимо, чтобы существование этого государства было бы для него благом.

Стратегия обязана поставить требование — внутренней политики — для успеха внешней войны необходимо, чтобы национальные, социально-экономические и др. вопросы в государстве были бы разрешены удовлетворительно во всяком случае для основных масс населения.

Ведет войну вооруженный народ, поэтому и стимулы для борьбы, дух этого народа должны создаваться не армией, а государством в целом.

Содержание постоянной армии в мирное время ложится тяжелым бременем на государственный бюджет, отбывание воинской повинности ложится тяготами на все население и для государства является насущным вопросом облегчение того и другого.

Территориальная система комплектования является в военном отношении наилучшей: она даст единство войсковой части в отношении материала, и увеличивает скорость мобилизации, а при расположении войсковой части в округе своего комплектования, устанавливает тесную связь с населением, и уменьшает тягость отбывания воинской повинности (возможны отпуски). Но применение этой системы, необходимой в военных интересах, возможно тогда, когда государством по меньшей мере удовлетворительно разрешены национальные вопросы, когда не будет в государстве „подозрительных" народностей или классов населения.

Современную войну ведет „вооруженный народ", т. е. не воин профессионал, а вооруженный гражданин. Армия перерабатывает материал специально в военном отношении, но не ее задача — выработка гражданина. В современных условиях воин грамотный, развитой (и при других необходимых условиях) наилучший. Подготовку гражданина должно взять на себя государство; средство для этого — школа. Школа Казакии должна учить не только грамотности, но и воспитывать, готовить гражданина; на нее должна падать и физическая подготовка молодежи. Это необходимо и в интересах государственных и в специально военных.

Затраты, сделанные государством в этом отношении, отплатятся соответственным сокращением расходов на армию.

При надлежащей предварительной подготовке населения, сроки службы в постоянной армии могут быть сокращены и будут не большими, чем в современных западно-европейских армиях.

Создавать армию, проводить ее устройство, подготовку нельзя теоретически: вероятные противники и театр войны должны быть основой этого устройства. Поэтому для нас было бы весьма ошибочным брать точным образцом даже армии первоклассных государств Зап. Европы (напр. Франции, Германии). Если бы мы снабдили корпус войск Казакии теми же средствами, как и корпус французский, то половина этих средств во время войны бездействовала бы, была бы балластом. (Обслуживать армию, напр., при ведении войны Казакией может не более одной железнодорожной линии, а во Франции на нее придется несколько, плюс к тому шоссе с циркуляцией автобусов по ним). Было бы ошибочным, положим, конницу Казакии, по образцу Франции, обращать исключительно в ездящую пехоту.

Создание армии Казакии с учетом всех современных технических средств ведения войны, вероятных противников и театра войны требует особой продуманности, глубокого и широкого изучения.

Во всяком случае армия Казакии должна осуществлять быструю мобилизацию, а в ведении войны, в подготовку ее должна быть положена идея бить противника во времени по частям. Принятие этой идеи в основу необходимо и для проведения войны вне своей территории на территории противника.

Принятие этих идей требует естественно того, чтобы не только армия, но и сам народ в целом воспитывался в духе наступательном. Было бы пагубным, а при ведении войны могло бы привести и к катастрофе, если бы общественность Казакии или школа проповедывала нечто вроде „непротивления злу".

В настоящем очерке мы далеки от мысли исчерпать весь вопрос, особенно специально в военном отношении, мы намечаем лишь основы, на которых и при которых должны быть созданы вооруженные силы Казакии.

Инж. В. Бейсуг.

О казачьих Фордах и массе.

Один древний грек, Хабрий, задал такой вопрос: „Какая армия сильнее, — армия львов, предводимых зайцем, или армия зайцев, предводимых львом?“ Вопрос этот по существу является шутливым прообразом одного из кардинальных вопросов современной науки об общественной жизни: кто важнее в истории, кто творит и создает общественную жизнь, — толпа, или ее кумиры? Масса, или вожди? „Люди“, или отдельные личности? И с тех пор, как работает научная мысль, ответ на этот вопрос перестал быть единым варьируя от полного отрицания созидательного значения массы и поклонения перед героями, до полного развенчания всяких героев и возведения на пьедестал толпы.

„Великие люди только издали кажутся таковыми, вблизи же они самые ординарные,“ пишет французский ученый Бурдо. „Петр Великий силой своего гения создал новую Россию“ отвечают ему. Не Данте, говорят, писал „Божественную комедию“, но десять веков христианской культуры создали ее. Шекспир, отвечают, создал английскую литературу. „Наполеон вынудал французскую революцию“, но вспомним „Войну и Мир“ Толстого, и фигура „вынудателя“ революционной стихии сменится в нашем представлении слабым человечком — игрушкой в руках истории. „История мира есть лишь сборник биографий великих людей“, доказывает англичанин Карлейль. „История знает только собственные имена“, замечает француз Кузен. И т. д., и т. д., — такие крайние мнения можно было бы приводить долго.

Чем же в конечном итоге является история? — Сменой идей, событий и состояний в жизни человеческого общества, смена его изменений. Но кто же и что производит эту смену, откуда это вечное брожение? Отдавая должное и естественным факторам, направления нематериалистические отдают примат сумме воздействий отдельных личностей. Для исторического же материализма ход истории связан с переменой хозяйственной организации, ею определяется и направляется: развитие производительных сил творит историю. Давая классическую формулировку теории исторического материализма, Карл Маркс пишет в своем „Предисловии к критике политической экономии“: „В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие, отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает собою процесс жизни социальной, политической и духовной вообще“. Формулируем все это проще: экономическая организация общества — костяк, покрывающийся в ходе истории мясом „надстроек“; хозяйство — основа, все остальное — надстройки, и как все тело в конечном итоге определяется его костным сложением, так и в обществе всякое изменение производственных связей решающим образом влияет на все прочее; строение тела определяет и дух. — Такова вкратце основа теории исторического материализма.

Мы наметили два возможных подхода к истории, а вместе с тем и к историческим прогнозам, предвидениям. Задачей нашего очерка не является разбор и критика обоих взглядов. Мы хотим лишь воспользоваться ими для подхода к историческому будущему Казачьих Земель. Считаем это уместным сделать именно теперь, после того как на страницах Календаря-Альманаха В. К. дали описание экономических достижений и грядущих возможностей Казачьих Земель. Многое мы имели, еще больше могли бы иметь, но еще больше смогли бы иметь в будущем, — так, приблизительно, подвели мы итоги своему экономическому описанию. И невольно возникает вопрос. Кто же и что создаст и напишет эти страницы нашего возможного блестящего экономического развития? Как отольются формы нашей истории? Кто будет ее творцом — масса, или вожди? Личности или „развитие производительных сил“?

История дальнейшего развития экономической жизни Казачьих Земель будет сборником биографий тех, кто „вынуждает“ неисчерпаемые природные силы Казачьих Земель и овладеет энергией экономического творчества их народа, — так сказали бы сторонники первого из вышеприведенных подходов к истории. Способ производства материальной жизни, совокупность производственных отношений, стихийность массовых процессов, — укажут сторонники экономического материализма.

Мы не принадлежим к числу последних, но, думаем, что они будут также правы, как и первые, и одновременно и те и другие будут неправы. Одно — романтизм, другое — сухая бухгалтерия. Но экономическая история Казачьих Земель не была и не будет романом, новые причудливые сцены для которого будет выдумывать досужливая фантазия неведомого автора, как не есть она и бухгалтерской книгой, где можно переводить со счета на счет, подсчитывать остатки и вычислять прибыли и убытки к тому, или иному дню. На страницах „Экономического очерка Казачьих Земель“ мы часто говорили о стихийности нашего хозяйственного развития: стихийность развития зерновых культур, неудержимый рост промышленности, появление специальных культур и т. д. Все это явления и процессы, суть которых не исчерпывается биографией тех, или других инициаторов. Скорее можно даже утверждать, что экономическое развитие Казачьих Земель вообще не блещет личными элементами.

Были, конечно, и у нас свои энергичные люди, совершавшие американские карьеры от разносчика газет до миллионеров. Среди тех, кто так гоним большевиками в качестве капиталистов, кулаков, буржуев и т. д. добрую половину следует уделить людям личной инициативой, личным трудом и энергией проложившим себе дорогу к верхушкам хозяйственной жизни. Астраханские рыбопромышленники, табаководы Черноморского побережья, владельцы крупнейших мукомольных предприятий Дона и т. д., — все это люди из народа, из его низов. Нельзя оспаривать заслуг этих людей перед историей экономического развития наших Земель. Им принадлежит часть организующего начала, оформляющего почина и имя пионеров. Но, — они лишь прокладывали дороги, указывали пути. Утверждать большее, что они „вели“, — пожалуй было бы рискованно. У нас не было Фордов, создавших автомобильную промышленность СШтатов, не было Рокфеллеров, идеей нефтепроводов перевернувших всю организацию нефтепромышленности, не было Сименсов, создавших электропромышленность Германии. Об'ясняется это хозяйственной молодостью Казачьих Земель. Не перехватывай тот же К. Маркс через край, он был бы прав, говоря в уже цитированном предисловии к своей „Критике Политической Экономии“, что „сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения“. Чтоб создать автомобильную промышленность, Форду были нужны колоссальные капиталы. Но что бы помогли Форду весь его организационный талант и уменье собрать капиталы, если б собирать то было неоткуда? Чтобы сделал у нас Форд? — наверное, так же мало, как и мало сделал бы он сто лет назад в еще неподготовленных „для решения задачи материальных условий“ Америки. Проявление талантов Сименса стало возможным лишь тогда, когда развилась промышленность Германии вообще, и страна располагала богатствами. Скажем так: Форды „относительные“, как символ хозяйственной инициативы, смелости, духа почина, и организаторских способностей в области экономической жизни, — они возможны всюду, всегда, и при всяких условиях; Форды „абсолютные“, ворочающие капиталами мирового значе-

ния, „капитаны“ целых народных хозяйств и безапелляционные вершители их судеб, — они возможны только там, где для этого имеется надлежащая материальная обстановка. Сводить характеристику такой необходимой обстановки к наличию лишь свободных капиталов было слишком односторонне. Мы думаем, что дело скорее идет об уровне общего хозяйственного развития страны, хозяйственном опыте его населения, состоянии техники, культуры, степени использования природных богатств, — и т. д. Степень накопления капиталов, конечно, играет первую роль.

Вот тут и выступают те стихийные, безличные, массовые процессы, о которых так любит говорить исторический материализм. Возьмем то же накопление капиталов. Сколь ни ослепительны бывают богатства отдельных богачей, сколь тщательно не уверяли у нас *в свое время большевицкие агитаторы, что „разделить* ли богатства всех наших князей да баронов, на весь народ хватит“, — а все таки львиная доля народного богатства каждой страны принадлежит массе, народу. Как бы не велики были богатства отдельных лиц, они всегда тонут в море средств массы народа. Будем ли мы рассматривать в самых различных странах мира, кому принадлежат вклады денег в банки, мы увидим, что вклады богачей составляют всегда лишь ничтожную часть средств, которыми располагает тот или иной банк. Главная сила — в тех рублях и копейках, которые несет в деревенские кассы крестьянин и в мелкие сберегательные учреждения обыватель. Их вносы, — это капли; но из этих капель составляются ручеечки, из них в провинциальных более крупных банках образуются потоки, а эти потоки образуют уж несколько центральных крупных рек, организующих всю систему народного хозяйства. И „пять английских быков“, как принято называть пять крупнейших английских банков, держащих в своих руках хозяйство всей Великобританской Империи, столь же зависят в конечном итоге от мелких вкладчиков, сколь зависит от них и вся денежная наличность банковой системы СШтатов, — отнюдь не на богатства всяких миллионеров опирается она, как часто думают неосведомленные люди.

Каждый рабочий за станком, и земледелец за плугом, они такие же вершители хозяйственных судеб своей страны, как и Форд и Рокфеллер; разница только в том, что результаты деятельности первых не заметны, *не проявляются поразь. Это те мелкие кровяные* шарики человеческого организма, которых никто не замечает, и о которых никто не говорит. Но без них ни Шекспир не написал бы своих трагедий, ни Бетховен симфоний, ни Наполеон не вошел бы в Москву.

Тоже и с народным хозяйством. Его развитие, — это процесс стихийный, массовый. Он может быть вялым и мертвым, но может быть и блестящим, если прекрасно функционируют все клеточки, все мельчайшие элементы системы. Нельзя думать, что Казачьи Земли вступят в эпоху необыкновенного развития только тогда, когда у них заведутся свои „герои“. Нет, это наступит тогда, когда каждый в своей работе станет „героем“, когда каждый земледелец проявит максимум усилий в обработке земли, когда каждый машинист бережно будет смазывать свою машину, когда каждая хозяйка тщательно вымоет ведро прежде чем доить корову. В этом значение массы, в этом ее сила.

Направить извне эту стихию нельзя. Сознательность, культура, духовный под'ем, — вот начала, которые одни только и могут „управлять“ этой стихией. Наполеон „взнуздал“ французскую революцию, но... лишь тогда, когда настояло время для ее взнуздания. Надежда на героев не должна быть оправданием пассивности, ибо „судьбою“ оправдываются только слабые, для сильных же она лишь импульс для новых и новых достижений. Экономическая будущность Казачьих Земель в руках всего их населения, так подведем мы итог „фактору исторического материализма“.

Но можно ли поставить на этом точку? Достаточно ли одного этого фактора? Конечно, нет. Утверждать обратное, *значило бы предоставить завоевывать наше* хозяйственное будущее „армии львов“, по выражению уже цитированного грека Хабрия, „предводительствуемой зайцами“. Когда солдаты становятся львами, тогда им нужно и предводителя льва, но не зайца. Завертятся ли все колеса хозяйственной жизни Казачьих Земель, прийдут ли на смену крыльев ветряных мельниц турбины, нужны ли станут для их зерна не деревянные амбары, а бетонные элеваторы вместимостью в миллионы пудов, тогда давай нам не механиков самоучек, *да не одних плотников, а инженеров-механиков, да* инженеров-строителей! Польется ли потоками золото в наши банки, тогда простых банковых служащих нам будет мало, а понадобятся крупные финансисты, которые бы знали, что с этим золотом делать.

Затоскуем мы тогда по людям с искрой Божьей в голове! Но, верим мы, тоска наша не будет „тоской безысходной“. Появятся эти люди у нас, подымет их пробуждающаяся творческая сила народа. Они должны появиться. Не бывает их только в странах, идущих к упадку, в землях, стоящих на пути оскудения, среди народов увядающих. Народное хозяйство Казачьих же Земель лишь нарождалось и закаляется теперь в пламени революции, их „хозяйственный булат“ из ножен еще не вынимался, их Форды и Рокфеллеры еще впереди. Задачи этих Фордов особые. Масса творит, производит, накопляет, создает что-то быть может и очень большое и сильное, но продукты ее труда остаются всегда аморфными, безформенными. Слепить из первоклассной по качеству *глины высокое произведение* искусства — это уже задача не массы, но личностей. Сикстинские Мадонны пишутся не народом, но Рафаэлями.

Задачи наших Фордов будут весьма тяжелы и ответственны. Если в области военной жизни казачество всегда стояло высоко по своей организованности, то в хозяйственном отношении жизнь Казачьих Земель мало в каких отраслях отошла от состояния, ему же имя хаос. Жемчужины смелой инициативы простого народа, и драгоценные камни отдельных замечательных хозяйственных достижений были перемешаны с отсталостью, покорной пассивностью. Разобраться во всем этом, поставить все на свое место и кучи винтов и колес собрать в без отказа работающую машину, — вот эти задачи. Этим людям надо будет нащупать скрытые средства, отыскать новые пути. Ведь о них же говорится, что „они стоят на вершине холма и видят восходящее солнце, когда в долине еще царит мгла“, — кому, как не им искать и пути всего развития нашего народного хозяйства. Эти задачи массе не решить, она только их обусловит и подготовит. И как не построить инженеру дом без кирпича и каменщиков, так и не воздвигнуть небоскреб каменщикам без инженеров.

В этом вся проблемма роли личности и массы в истории. В этом и ответ на вопрос кому творить историю нашего возможного будущего блестящего экономического развития. Сперва напряжение и труд всей массы, всего народа, а в процессе этого труда появятся *и Форды. Перефразируя известный стих Некрасова*, скажем:

Вздохнули б только наши груди
вздохнули бы пошире, повольней
покажем мы, что и у нас есть люди,
что есть грядущее и у Казачества степей.

Братья-казаки! Читайте и помогайте распространять среди казаков журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

Пусть не будет казака, который бы не читал своего журнала.

Читатели, сообщайте в редакцию адреса своих знакомых и приятелей, которые еще не получают журнал „В. К.“

В. П. Елисеев (В. Петров).

Казачий Берег.

(По случаю двухлетнего юбилея „ Вольного Казачества").

Девять лет считаем (какая больная годовщина!) от последней „белой пробы" — „Крымской эпопеи", когда Казачья Армия, спасая свой живот (дело дошло в то время фактически до спасения живота), оставила последний „белый оплот" — Крым (вернее, не „белый", а „белейший" — „светлейший" — по „светлейшему" генералу-товарищу Слащеву!) „красному русскому народу", „русскому большевицкому большинству..."

Отплыла тогда очередная в казачьей истории Казачья эмиграция из „родной" ей „Матушки России", и „бело-красная война" сразу же прекратилась. Да и понятно. — Не с кем стало воевать „русскому большевицкому большинству" — русскому народу...

Оговорюсь. Известно, что с казачьей армией отплыла и русская армия, т. е. всем известная „Доброармия". (Она — „Доброармия", наверняка, внесет свою „законную" поправку. Скажет, что „Доброармия" отплыла, а с ней уже — между прочим, сбоку-припеку — отплыли и казачьи части. Или еще скажет более авторитетней — отплыла-де „белая армия" и поставит точку, совершенно не упоминая о каких-то „казачьих частях". Но эта „поправка" не даст права „Доброармии" утверждать, что „бело-красная война" окончилась из-за отплытия „Доброармии". Нет. Она хотя бы и осталась, так войны бы этой „бело-красной" больше не было, ибо „белых"-то этой „Доброармии" „красной" „красной Доброармии" хватило бы не больше, не меньше, как на один „упруг"...)

Отплыла казачья эмиграция — часть казачьего народа, оставив „красному русскому большинству" на поругание „обуглившуюся степь". Отплыла вместе с „белыми", с которыми в „белом союзе" состояла, потеряв степь, детей, жен, отцов, братьев и весь свой вековой скарб. Все потеряла. Казалось бы, что заслужила себе почет и уважение, по крайней мере, хотя со стороны своего „белого начальства..." Ан, не очень-то... Когда „белое единство", очутившись на чужой земле, стало подитоживать проигранное им „белое движение" — стало писать „белую историю", копаясь в причинах неосуществившегося „белого единства" (о следствиях то нечего говорить, — они налицо!) то и установило: потому де мы сидим здесь, что... „казачки подвели..."

„Архивы Русской Революции", „Очерки Русской Смуты", целые томы, кипы бумажные обрушились, надавили *на Казачество... по исконному взгляду — на* „бедного Макара", на которого „все шишки летят..."

Надавили на „бедного Макара" всем своим „белым брюхом". Кости хрустят. Больно. Но в виду своей вековой, очевидно, „привычки" „Макар" молчит. Или, если и „оправдывается", то как-то боязливо, нерешительно, безлично, словом, по — „Макаровски"...

— Чтобы уже, в самом деле, „подвел" „белое дело" — думает „бедный Макар" — это уж как-то слишком, напрасный укор. Ведь бился, как лев. До самой, так сказать, невозможности. Но, что иногда „казаковал" это — правда. Не сдерживался. Бурлила иногда и у „бедного Макара" „кровь казацкая". Потому и пускался в „предопределения..."

Но, говорят, что „привычка — вторая натура", потому и рассудил... Не стоит, мол, дюжа хорохориться... Тем более, что поздно — на чужбину уж угодил. Лучше уж по „вековой" своей психологии, по „психологии бедного Макара" „прислуживаться" (хотя и „тошно"...) да „сгибаться в перегиб". Но ведь на то оно и „начальство". А „начальство", как и Бог, — „не без милости"... К „Руси" потянуло „Бедного Макара"... Свой-то Дом уж больно обветшал. Почти развалился. Починишь ли? А с „Русью"-то оно как-то уж вошло в привычку. Да и с „начальством". Вместе. А „на миру, ведь, и смерть красна", — говорят добрые люди... Уговорил „бедный Макар" сам себя, а потом донес „начальству" и письменно. Подтвердил свои верноподданные чувства и в „программе"... — Напрасно-де, „Ваша начальническая милость" гневаетесь, обвиняете меня в „казаковании"... Если же что и было в прошлом (даже и недалеком прошлом) так, ведь, сами же знаете, что „в семье — не без урода"... Простите за „уродов", так как я вас заверяю. — Я тоже за нее, за нашу общую „Великую Родину Русь!" По „вековой", „исконной" к вам преданности преклоняюсь...

Но, преклоняясь пред „начальством", „бедный Макар" все же чувствовал какую-то, если не острую, то тупую боль внутри. Как раз под самой ложечкой сосало у „бедного Макара"... А потому он взял да и подлепил к хвостику своей „программы" еще одну Родину (кроме „Руси") — „Родимый Край". Это, мол, ничего, что я упоминаю после такой „Великой Родины", как „Русь", еще одну „маленькую Родину" — „Дон", или, как я его называю, „Родимый Край"... Не сердитесь.

Качает головой „начальство". Согласно будто бы на принятие „Бедного Макара" в свое „лоно", но все же думает, советывается (нельзя же сразу раскрывать об'ятия покаявшемуся „Бедному Макару". — „Государство" в этом может усмотреть умаление „начальственного авторитета"...) и, наконец, смекает. Принять и послать „Бедного Макара" в первый имеющийся быть „рассейский авангард", чтобы выбить эту блажь о каком-то „Родимом Крае" из головы „Бедного Макара"... В „рассейском авангарде" не думают о „Родимом Крае" „Бедного Макара"...

Так целых семь лет держало „начальство" „Бедного Макара" в своем, „рассейском авангарде". Но так как весь свет еще до сих пор кашляет от „великой войны", то „начальство" „Бедного Макара", несмотря на всю свою воинственность, продолжает находиться в глубоком „мировом резерве". Не воевало, а то бы, конечно, успело уже подвергнуть „Бедного Макара" своей очередной „хирургической операции". Спасло „Бедного Макара" мирное житие мира. Не до „войны" было миру, а до своей собственной головы. А потому расчеты „начальства" „Бедного Макара" на „военный поход на Москву" послать, остались „гласом вопиющего в пустыне"...

„Промедление смерти подобно"... А вот с „Бедным Макаром" вышло иначе... Всякая философия, как и палка, — о „двух концах"... Что одному — „плохо", то другому — „хорошо". Что одному — „смерть", то другому — „жизнь"... „Рассейский авангард", в „мировом резерве" которого состоял по „вековой" привычке „Бедный Макар", *оказавшись не только продолжительным,* но даже бессрочным, отрезвил пробудил „Бедого Макара" от его „вековой", („исконной" вернее) спячки. Остудил разгорячившийся в „войнах" рассудок „Бедного Макара". Сняв со своих глаз „исконную" ослеплявшую его „русскую пленку", „Бедный Макар" увидел себя своими собственными глазами, проникся своим собственным сердцем и разумом. Имел время на „спокое" разобраться. Не надежней ли выйти из этого пресловутого „рассейского авангарда" несуществующего „мирового резерва" да казачьим шляхом — прямо на „Родимый Край", не заходя в Москву (тем более, что еще помнится, как недавно был возле нее...) Ведь и короче путь и прямей. И как этой простоты я раньше не смекнул? Спасибо не погорячился... — Вот вам и „промедление смерти подобно..." — За „какой конец" возьмешь палку-то эту...

Два года тому назад, в этом же месяце Вольный Казак огорошил появлением в свет своего собственного, казачьего „Архива", своего собственного, казачьего „Очерка"... Этот „дерзкий" „Архив" Вольного Казака назвался его собственным именем — „Вольным Казачеством". И в нем от крышки до крышки Вольный Казак говорит сам о себе, о своем казачьем горе, о своем к а з а ч ь е м п р а в е. Говорит свою горькую правду. Говорит смело, открыто — по-казачьи — призывая к спайке Казачество в одну общую Казачью Семью и пробуждая в нем его национальное самосознание, свое казачье „Я".

И заговорил, впервые после своей „исконной" затрушенности, Казак сам о себе. Чем — по понятию

„начальства“ — вбил крепкий осиновый кол в сугубую идею „единства русского народа“ отчего „плачу и скрежету зубов“ русских людей нет ни конца, ни края, ни предела...

— Перебезчики! Изменники! — закричали в один голос „русские архивисты“... — Знакомые нам угрозы „большевицкого большинства“ — убить Казачество! Смерть Казачеству! — Прямо, как и китайцы или латыши в красном Кремле. Как нехристи...

И ведь сами еще — мыльный пузырь, плавающий на безбрежном, океанском просторе, а уже так ругаются... Можно ли после этого допустить, что „никакая российская власть после большевиков не будет угнетать Казачество?...“ Нет. Нельзя. Какая бы „российская власть“ ни была в России, она ни за что не выпустит из своих ежевых рукавиц „казачьего авангарда“. Как же можно без „авангарда“-то этого? Да еще такого „ручного“...

Но казак уже теперь не пешка в руках „начальства“ (читай, русского народа). Он спасаясь сам через себя, уже претендует на свою собственную, Казачью Дорогу.

И пахнет тут „начальству“ не только „дерзостью“, а и, действительно, „изменой“ („изменой русской“. По той же палке о „двух концах“...). Видите ли, когда „Бедный Макар“ изменял себе, тогда эта измена (измена без ковычек!) шла на укрепление мощи, „единства русского народа“, а когда Вольный Казак не захотел себе больше изменять и заговорил о „своей Дороге“, тогда это „единство русского народа“ нарушилось (опять все та же палка о „двух концах“. Одному — „единение“, а другому — „раз'единение“...).

Казачество в „единении“ с русским народом вполне тождественно с румынским „единением“ в их бывшем „венгерском единении“, с чешским „единением“ в бывшем их „австрийском единении, с польским, финским, литовским „единением“ в их бывшем „русском единении“...

Каждый из этих ныне здравствующих народов своей самостоятельностью (а некоторые и своим спасением) обязан только себе. Этот наглядный пример да казачье право вполне оправдывают Вольного Казака в исканиии своей собственной Казачьей Дороги к своему Казачьему Берегу.

Не надо Вольному Казаку „чужого единства“. У Вольного Казака должно быть свое „казачье единство“. В „единении — сила!“ Но только в „единении своем“, а не в „единении чужом“. В „чужом единении“ нет твоей силы. В „чужом единении“ — твое полнейшее бессилие, твой неизменный крах. Примеры — на нашей собственной спине...

Что же, собственно, сделал Вольный Казак, „выхрестившись“ из „Бедного Макара?“ Отрекся ли он от своего святого, продался ли он кому, изменил ли кому?... Нет. Ни одно, ни другое и ни третье. Он обрек, подобрал, вырвал из чужих рук обезличенного своего Бога и вдунул в его полубездыханную душу то, что сильнее смерти. Любовь. Любовь в свое святое, горячую любовь в свой Казачий Родимый Край. — „Тебя люблю, Родимый Край!“ — И только тебя! Сознал свое народное достоинство, и потому не изменил ни себе, ни кому-либо другому. Стал снова человеком, как и все, незнающие рабства, люди на свете.

За что же сердиться и ругать Вольного Казака? Ему следует только способствовать в его вновь обрященной любви к самому себе, И все те, кто любит сам себя, должны, если уж не любить, то, по крайней мере, уважать Вольного Казака...

В заключение, Вольный Казак (дело, так сказать, уж чисто семейное) обращается к тем казакам, которые до сих пор сохраняют свою „русскую невинность“ в „русском единстве“. Хотелось бы, чтобы и они оставили „начальство“ и, пригребая к своему Казачьему Берегу, к своему „казачьему единству“, обрели таковое в своей ни от кого независимой Казачьей Семье. Имя обновленной, свободной Казачьей Семьи — Вольное Казачество (и по русским учебникам истории „казак“ значит — „вольный человек“...) Родимый Казачий Край — Вольная Казакия...

Санжа Балыков.

Этапы калмыцкой эмиграции.

Всего каких-нибудь двенадцать лет тому назад жизнь нашего народа представляла совершенно иную, сказочную картину в сравнении с настоящей. Богато и беспечно жил он тогда. Достаточно сказать, что хозяева, имевшие меньше десятка коров, пары лошадей и сеявшие 5 десятин хлеба, считались бедняками, достойными сожаления, каковых было очень мало.

Хозяева, имевшие до 30-40 голов скота, от 4 до 6 лошадей, 2-3 пары быков и сеявшие от 20 до 40 десятин хлеба, считались средними, их было около 50% населения. А ведь были и такие крупные хозяева, которые имели по 1000 голов лошадей, от 2 до 5 тысяч овец, много сотен голов рогатого скота, сеявшие от 200 до 400 десятин хлеба, имения которых казались целыми хуторками с десятками и сотнями рабочих. И таких хозяйств у нас было не мало. Обнищавшие и обездоленные богачи эти и сейчас живы; одни из них в качестве простых рабочих рассеяны по французским заводам, другие собственноручно шьют френчи сербским солдатам, третьи пасут мужичий скот по хуторам Советской России, иные таскают кирпичи на болгарских постройках; только некоторым удалось, в условиях большевицкого режима, нажить две три коровенки, одну лошадку, за что они зачислены в кулаки и лишены избирательных прав, а дети их исключены из школ. Это всем калмыкам известные, Тешкины, Бакбушовы, Шавелькины, Сельдиновы, Калтыкановы, Бурульдушовы, Татниновы, Муманжиновы и другие.

Почти также обстояло дело народного благосостояния и у калмыков Ставропольских и Астраханских. Правда, там бедняков встречалось больше, но зато были такие крупные хозяева, как Анкоров, Тюмени, Тундутов. Бованев, Шонтаев, Кармаков, Джома-гелюн и др., табуны которых иногда достигали до десятка тысяч голов.

Насколько быстро и к лучшему изменялся в прошлом быт и образ жизни калмыков, видоизменялись в духе времени и его взгляды на жизнь. Решительно и дружно приобщался он к науке и культуре. Число оканчивающих единственную городскую школу в окружной станице Сальского округа с каждым годом увеличивалось. При широкой материальной поддержке наших станичных обществ, в 1912 году открылась там же средняя школа и через два-три года было уже в ней до сотни калмыцких детей, из которых, в последние годы, перед нашим уходом, многие были в старших классах и из них, в самом непродолжительном времени, должен был выйти новый кадр культурных деятелей.

Почти так же, если не лучше, обстояло дело народного образования и у Ставропольских калмыков, где все желающие могли отдавать детей до средней школы включительно на общественный счет и оказывалась самая существенная помощь учащимся в высших учебных заведениях.

Если бы в те дни кто нибудь из наших былых предсказателей, хотя бы даже сам знаменитый Салма, начал бы вещать, что в жизни калмыцкого народа, в ближайшем будущем, произойдут события, в результате которых он прольет потоки крови, обеднеет до нищенства, а тысячи его сынов очутятся в Западной Европе в качестве политических эмигрантов и пробудут там десяток лет, то такой предсказатель сразу потерял бы своих клеентов, как явно спятивший с ума и потому несущий всякую чушь. Однако так суждено было случиться.

Первоначальный этап калмыцкого народа на пу-

тях к эмиграции нужно отнести к февралю 1919 года, когда перед наступающими красными частями, перед призраком надвигающихся бессудных растрелов, насилий, надругательств и разорений мы, почти поголовно принуждены были сниматься с мест и, невзирая на предвесеннюю распутицу наших дорог, свирепствовавший тиф и оспу, на волах, лошадях, верблюдах, пешком, нагрузив весь домашний скарб, угоняя скот, покинуть Сальский округ.

К счастью, на этот раз, красная армия была задержана на Маныче, а потом разгромлена и отогнана обратно к Царицыну, а калмыки, задержавшись на Кубани, преимущественно в районе Кущевки, в половине апреля вернулись в свои разоренные станицы, сильно обеднев за этот короткий промежуток времени скотом и потеряв людей, умерших от болезней, благодаря нахождению под открытым небом, со всеми отсюда вытекающими условиями жизни и последствиями.

Так как все мужчины способные носить оружие *были в полках на фронте, то борьбу за восстановление* и поддержание разоренных хозяйств пришлось вести исключительно женщинам, малолеткам и старикам, безропотно, с удивительной энергией несшим свой тяжкий крест.

Но и этот спокойный период продолжался не долго. В январе 1920 года наступил второй наш этап, когда за отступающими казачьими частями мы поголовно покинули наши станицы и, пройдя поистине страдальческий путь, полный физических и моральных лишений, путь отмеченный тысячами смертей, добрались до берегов Черного моря и, в большей своей массе попав здесь в плен к большевикам, в остальной части, около 10 тыс. чел. очутились в Крыму.

Так закончился второй этап нашего беженства, этап самый тяжкий,жертвы которого трудно учесть и по сие время.

Крушение армии Врангеля и эвакуация ее из Крыма начало собой новый этап. При чем в число эвакуировавшихся попало не больше одной трети из числа находившихся в Крыму, по той причине, что калмыки, для удешевления жизни распылившиеся по селам, по отдаленным от портов станциям в поисках труда и не ожидавшие такого скорого крушения фронта и такой стремительной эвакуации, не могли поспеть на отходящие пароходы, а кроме того, и многие из поспевших не сумели попасть на погрузку, ибо их не пускали, не до них было.

Если условия сопровождавшие Врангелевскую эвакуацию были кошмарны для всех вообще, то для нас, калмыков, они были хуже вдвое потому что, мы, среди русских, везде и всегда, а в такие моменты в особенности, были пасынками, гражданами второго сорта, нужды и потребности которых можно удовлетворить и в последнюю очередь, в меньшем количестве, в меньшем размере и в худшем качестве.

Перечислять такие случаи было бы очень долго, да и не стоит, так как всем они понятны и известны. Жаловаться и обижаться не приходится, а нужно быть только самому сознательным и уметь отстаивать свои права.

Сравнительно хорошо, по крайней мере наравне с другими, чувствовали себя попавшие на пароходы с своим Зюнгарским полком, потому что с ним никто не мог позволять всего того, что позволяли по отношению к нашей, беззащитной, беженской массе. Наблюдательные калмыки могли здесь на деле убедиться в силе сплоченности и дружности. Помню, напр., такой случай: на миноносце, на котором выехали мы с командиром полка и частями второй и шестой сотни, между нашим молодым добровольцем Гончиком Тепшиновым и одним матросом корабля завязалась ссора и матрос, без долгих разговоров, взмахнул было, чтобы дать по зубам „калмыченку", но он внезапно побледнел и рука его слабо опустилась, ибо Тепшинов успел вскинуть и щелкнуть затвором. Другие матросы было кинулись на поддержку товарища, но и они смущенно присмирели, видя, что и другие калмыки схватили винтовки, щелкнули затворами и вплотную придвинулись к месту спора. На этом мне удалось спор уладить.

— Гм... калмыки ваши молодцы, дружные — говорил вечером поручик Смиянов, служивший на этом миноносце в качестве матроса или машиниста, в крошечной кабинке которого я ехал. С того инцидента отношение команды к калмыкам стало заметно предупредительнее.

Таким образом, с Врангелевской эвакуацией, на Константинопольскую набережную было выброшено больше трех тысяч калмыков, из них значительное число было перевезено в Сербию, небольшое число в Болгарию, а главная масса расселена по беженским лагерям в Турции, на содержании англичан и французов. Около десятка человек каким-то образом очутились в Греции, около тридцати человек оказались с интернированными казачьими полками в Польше.

Вот и вся калмыцкая эмиграция вышедшая заграницу в 1920 году. В последующие годы она уже расселилась по разным странам, пока окончательно не осела в четырех, главным образом, странах.

Некоторые дети, встречающиеся теперь с именами Буюк, Баязет, Джумай, Банат, Тузла, Борис, Жан, указывают на места и страны, где они родились и где в те годы жили калмыки.

Вспоминать про жизнь в первые месяцы и даже в первый год нашей эмиграции тяжелая, неприятная, „длинная история"; кроме того, жизнь каждой части ее, живущей в разных странах, имеет свою историю, свои события. Поэтому в дальнейшем я буду говорить лишь о жизни той части эмиграции, которая была в Турции, где до 1923 года был и я.

Замечательными событиями в этом, третьем этапе нашего беженства в Турции явились: служба в обозах частей Английского окупационного корпуса по вольнонаемному контракту и начало возвращенства. При чем, последнее можно рассматривать, как отдельный, новый этап, так как оно раз'единило, некоторым образом профильтровало беженскую массу, положило конец беженству и начало эмигранству.

Английская обозная служба сперва, а потом служба и в караульном батальоне у англичан же явились теми благодетельными факторами, которые дали возможность калмыкам освободиться от полуголодного, нищенского существования в беженских лагерях.

Попало на службу всего около 400 человек, но и этого числа было достаточно, чтобы улучшилась жизнь Константинопольских беженцев вообще, так как присущая калмыкам традиция — помогать своим станичникам, родственникам и друзьям, широко здесь практиковалась.

Англичане в этом случае сыграли для нас в высшей степени хорошую роль, предоставив нам щедро оплачиваемую, далекую от эксплоататорства работу. С своей стороны и калмыки усердной и умелой работой заслужили полное удовлетворение англичан, да так, что русским больше года не было доступа на эту службу. Только русские переводчики всякими кривдами ухитрились под конец проводить своих, при всяком удобном и неудобном случае жалуясь на калмыков. Особенно отличился в этом отношении переводчик ремонтного эскадрона ротмистр Р., который драл с провинившихся калмыков и протежируемых ими русских взятки деньгами и водкой.

Много было, курьезов как на самой службе, так и до поступления на нее, например, с некоторыми нашими общественными деятелями, но это можно трогать только на страницах собственного калмыцкого органа, да и то при крайней необходимости этого делать.

Но особенно ярко запомнился мне один случай, который мы, калмыки, очень остро переживали тогда и который дал мне материал для дум и размышлений. В 121 конном транспорте английской армии, корпуса связи, нас, вольнонаемных драйверов, калмыков и русских, было душ 120, человек по 60 тех и других. Однажды в столовом бараке, во время обеда, вспыхнула ссора между калмыком Кутушовым и ротмистром К. из за места за столом; ссора эта превратилась в грандиозную драку обеих „наций" нашего транспорта. Ей предшествовал приблизительно такой диалог:

— Ну-ка, встань кунак, это место мое, я его занял и вышел за супом.

— Мне никто не сказал, что это место занято, я сел на свободное место и я не встану.

— Встать!.. тебе говорят!..

— Чего ты кричишь, меня не испугаешь.

— Не смей тыкать!.. с кем ты разговариваешь!.. я... ротмистр К.!

— Наплевать на твоего ротмистра, я — подхорунжий Кутушов.

В столовой, гудевшей гомоном сотни голосов, мгновенно воцарилась напряженная тишина, и русские и калмыки перестали есть, многие побледнели. Не успели мы, „формана", принять меры, как К. дико взревел: — Молчать!!! и тут же взмахнул рукой. В ответ ему Кутушов отвесил звонкую пощечину.

Все вскочили с мест, кинулись в кучу и сразу дрались уже в трех четырех местах. Полетели запущенные котелки, полные супа и пустые, затрещали стулья, там и сям блеснули ножи, вилки, появились окровавленные.

Но не долго продолжалась драка. Вдруг раздалось дружное „ур-ра! Зюнгарцы, у-р-р-р-а-а!!!" и, через минуту-две, русские были выбиты из барака и рассеяны по двору. Мне стоило большого напряжения, чтобы не кинуться в свалку, только сознание ответственности, как старшего, удержало меня.

— Спасибо, Зюнгарцы! — не выдержал я, когда русские покинули столовую.

— Рады стараться г. сотник! — весело отвечали ребята по привычке. Должен сознаться, что ни один победный бой с красными на Дону, ни одна удачная атака нашего полка в Таврии не радовали меня так, как эта победа в драке, где была затронута национальная струнка.

Но этой победе поспособствовали казаки, которых было человек 20 и, как на подбор, ребята ядреные; каждая сторона их сочла на своей, но в момент драки они стали держать строгий нейтралитет и тем ослабили силы русских, десяток осетин, наоборот, дрались на стороне русских.

— Вот вы говорили, что казаки — самые близкие нам люди, а вот в драке не стали на нашу сторону — спрашивал меня вечером того же дня Н. Манжиков.

— Но зато они и не стали на сторону русских — отвечал ему другой Манжиков Б.

— Что это значит, — раздавался и это время голос в бараке русских, — казачки не стали за нас в драке с калмыками.

— Они не только не стали за нас, но даже я видел, некоторые подбадривали калмыков, — отвечал ему другой голос.

— Да и так вообще, они с калмыками ладят больше, чем с нами, тут с нами ни одного казака нет, все они по калмыцким баракам, а Сиротин и Антонов, так и конину жрут, — говорил третий.

В тот же день два русских переводчика Дзени и Швадченко постарались доложить об этой драке по начальству и при этом осветили ее не как простую драку, против которой англичане вообще ничего не имеют, а как политическое выступление калмыков против русских офицеров, намекнув про большевизм, анархизм. Таких вещей в английской армии боятся больше всего и майор обратил на это серьезное внимание. По указанию тех же переводчиков пяти-шести калмыкам, как зачинщикам грозило увольнение с предварительным сидением за проволокой.

Видя, какой оборот принимает это дело, третий переводчик — казак, полковник Сергей Петрович Поляков, пошел к майору и об'ективным изложением потушил дело. Полковник Поляков пользовался большим уважением, как англичан, так и драйверов. За этот справедливый поступок калмыки еще больше полюбили Полякова и за ним еще теснее сблизились с казаками.

Так незначительный, частный случай, на моих глазах, сблизил чувства представителей двух народов лучше, чем годы совместной войны с большевиками, в которой им буквально приходилось лить вместе кровь, не говоря уже о двухсотлетней совместной жизни.

Возвращенство началось среди калмыков весною и продолжалось летом 1923 года, именно с того момента, когда начали ходить слухи об уходе англичан из Турции, а большевики об'явили калмыкам общую амнистию и бесплатную перевозку. Оно увеличилось еще больше, когда англичане начали действительно уходить. В течении двух месяцев пароходы несколько раз доставляли в порты Новороссийск и Одессу сотни возвращенцев.

Нужно заметить, что сознательного приятия большевизма среди возвращающихся калмыков не было. Одни ехали изверившись в „белое" дело, другие истосковавшись по оставшимся семьям, по родному очагу, некоторые получив сведения, что у него там сохранились остатки хозяйства, а иные просто боясь, что по уходе англичан, начнется опять безработица полуголодное существование на чужбине.

Конечно, дело не обошлось при этом без услуг некоторых любителей подзаработать путем посредничества между торгпредством и калмыками, получая мзду и от первых и вторых, как, например, Чонов, Ункинов, Бурбеджалов.

Но все же, в свое утешение, нужно не забывать, что таких элементов среди нас было и есть мало. В этом залог того, что понятие о чести и совести еще крепко сидит в душах большинства наших собратьев.

Таким образом, возвращенство, достигшее своего апогея к осени 1923 года, к 24 году постепенно затихает и теперь лишь изредка, компаниями по два-три человека, можно наблюдать случаи возвращения, несмотря, на самые соблазнительные посулы К. про жизнь тамошнюю. Наблюдается одно интересное явление: если в 1923 году возвращались в большинстве случаев люди пожилые, а молодежь преимущественно воздерживалась, то теперь возвращаются чаще молодые и как причину возвращения часто слышишь: „Нет женщин, жизнь погибает, пора жениться, вот и еду".

Надо заметить, что калмыки очень неохотно женятся на европейках, считая их неподходящими хозяйками и случаи таковых браков действительно редки и часто, в таких случаях, дело кончается разводом.

После 1923 года калмыцкое беженство вступает в четвертый этап: в состоянии длительного пребывания заграницей. Оно начинает искать возможности прочного устройства, расселяется по Европейским странам, переходит в эмигранство.

Теперешнее нахождение калмыков в эмиграции, если оно отчасти зависит от неохотного допущения в Советскую Россию и не хороших сведений про жизнь тамошнюю из писем оттуда, но, главным образом оно обуславливается уже и сознательным пребыванием в силу отрицания большевизма, коммунистической диктатуры.

К наступающему 1930 г. калмыцкая эмиграция насчитывает больше тысячи человек, расселенных главным образом по Франции, Сербии, Чехии и Болгарии. Количество душ в каждой из этих стран может быть выражено соотношением — 5 : 3 : 1 : 1, в порядке их расположения.

Устроены они по разнообразным видам и отраслям труда, но главное занятие калмыков во Франции — фабрично-заводская работа, сельско-хозяйственная работа на фермах и работа на шахтах; в Сербии — извозный промысел, шитье и редко работа на постройках; в Болгарии почти исключительно работа на постройках, которую с трудом находят, и единичные устройства погонщиками у грузовых извозчиков, на табачных фабриках, на бойнях; в Чехии небольшое число работает рабочими у седлаков (фермеров), несколько человек работают на постройках в районе Праги, но главная масса здешних калмыков состоит из учащейся молодежи в гимназии и высших учебных заведениях и из небольшого числа общественных деятелей, составляющих Калмыцкую комиссию культурных работников, трудами которой образована здешняя учащаяся Калмыцкая колония и сделано много других культурных работ по возрождению своего языка, литературы, по образованию нового кадра культурных деятелей, а также, отчасти, и по сохранению старых.

За десять лет эмигрантской жизни возникало и исчезало много общественных организаций, не оставляя после себя никаких заметных следов. Упомянутая Калмыцкая комиссия культурных работников и Правление калмыцкой колонии в Белграде являются в этом отношении исключениями.

В этом году, (1929) в Сербии, трудами Правления колонии, при дружной поддержке всей калмыцкой эмиграции, друзей и покровителей его сербов, русских, казаков, на земле и из материалов подаренных колонии сербом Ячимовичем, заканчивается постройка Буддийского храма со школой при нем.

Этот первый Буддийский храм в Западной Европе, безусловно имеет большое психологическое значение *для Калмыцкой эмиграции. Это явление убедительно* показывает, что калмыцкая эмиграция перестала сидеть „на чемоданах" и начинает думать и заботиться о своих духовных потребностях. Кроме того храм этот останется добрым памятником пребывания калмыков в эмиграции.

Теперь напрашивается вопрос: Что же дальше?.. Какой еще этап нам предстоит?.. Нужно полагать, что если калмыки не с'умеют найти более лучшего, массового устройства на привычных и понятных ему работах, то настоящее его положение, несмотря на все ее неприглядности, будет продолжительно и однообразно. Частичная реэвакуация при таком положении все же будет продолжаться, но теперь, можно надеяться, что многие из нас дождутся возвращения на родину при иных политических условиях там, ибо выработалась сноровка к здешним условиям жизни, втянулись в работу, *а главное, умеют разбираться и критически относиться* к сведениям о положении на родине, теперь уже никто не говорит, что „не расстреливают, ну и хорошо".

Итак, если мы не воспользуемся возможностью массового переселения и устройства в Перу, по примеру казаков, то настоящее положение есть предпоследний этап; возвращение на родину при новых политических условиях будет последним этапом в жизни калмыцкой эмиграции.

А. А. Гейман.

Как жили на Кубани „иногородние".

Предстояло ехать из ст. Каменнобродской в ст. Сенгилеевскую. Всего 18 верст степью.

Был мороз градусов 10—12, но дул встречный, пока еще не сильный ветер. Это тот самый ветер, который, срываясь с Каспийского моря, с С. В., с ожесточением проносится над всей правобережной Кубанской *равниной и, весною и осенью, выдувает из земли все по*севы, так что часто приходится пересеивать озимое и яровое, а зимою иногда заметает в степи все дороги, наметает огромные сугробы снега, загоняет на верную гибель неосторожно выгнанные в степь раннею весною табуны лошадей, многосотенные стада скота и многотысячные отары овец.

Чаще всего это бывает в начале марта. Уже проросла, в степи травка. Дороги подсохли. С утра ясный теплый день. Жители выгнали в степь застоявшийся за зиму скот и табуны. Возы потянулись в степь за сеном и соломой. Но вот часов в 10 небо посерело. подувает и ветерок, хотя северовосточный, но еще теплый.

Откуда не возьмись снег... Крупными, мягкими хлопьями падает он с неба; все чаще и чаще, все гуще и гуще и вот сорвался „скаженый", как его казаки звали. Завыл, закрутил, смешал и замутил все. Небо и земля — все одинаково тогда в густой мгле. Температура сильно падает, глубоко ниже нуля.

Горе тогда и людям и животным в степи! Весь день и ночь гудит тогда на станичной колокольне *самый большой колокол, чтобы хотя этим способом дать* направление заблудившимся людям и животным и спасти их от верной гибели. Конные раз'езды во множестве высланы из станиц, но часто напрасно: или быки сами привезут померзших и заваленых снегом людей, или раз'езды находят в сугробах снега только торчащие вверху рожки замерзших в запряжке быков и их владельцев на возу, или под ним, также замерзших.

Так беснуется метель дня два — три, а потом снова выкатит ясно и ярко, смеясь и радуясь своей злой шутке, весеннее, теплое солнце при полной тишине и безветрии, над покрытой белым саваном степью, *а под его покровом — мертвецами...*

Подали прекрасную тройку в удобных, глубоких санях, только вот ямщик на козлах, уж очень не соответствовал ни запряжке, ни погоде. Из всех швов его затасканного полушубка *виднелась красная, кумачевая* рубаха, а валенки на ногах на пятках и носках обнаруживали — сквозь дыры — грязные портянки.

— Э-э... паренек — отнесся я к нему, — что-то ты легко оделся, не по погоде. Смотри, мороз все крепчает, да и ветер будет встречный.

— Ничаво — мы привышнаи.

— Да ты из каких будешь?

— Мы Тамбовскаи... у нас зима покрепчае вашей *будет...*

Поехали. Версты две ямщик мой сидел исправно на козлах, но вот соскочил и, держась одной рукой за поручни козел, побежал, поспевая за идущей рысью тройкой. Греется... — подумал я.

Сначала мой „привышнай" все чаще и чаще „грелся", но вот и перестал. Проехали уже с пол-пути. И... *ямщик повалился навзничь в сани, головой ко мне в* ноги, а дырявые валенки поднялись высоко над козлами. Лицо его было совершенно синее.

Размышлять было некогда. Я свалил ямщика на дно саней, сорвал с него валенки и выбросил их на снег, снял с себя волчий кожух, в котором обычно ездил зимой, обернул в него ямщика, подоткнул тулуп далеко под него со всех сторон, вокруг всего тела. Сел на него, для удобства управления лошадьми, схва*тил вожжи, ударил кнутом по всем трем. Тройка* рванула и вскачь понесла по дороге. Ветер свистел в ушах, и до костей пронизывал легкий, на беличьем меху бешметик, в котором я остался и надо было уже думать и о собственном спасении.

Я гнал лошадей. День был праздничный и народ шел из церкви, когда я вскочил в станицу. Необычайное зрелище, конечно, привлекло всеобщее внимание. Но привычные лошади доскакали к станичному правле*нию и остановились. Коренная зашаталась и грохнулась,* мертвая, на снег. Я выскочил и, спасаясь в правление от мороза, набегу приказал побежавшему дежурному выгружать замерзшего ямщика и отпрягать и спасать загнанных пристяжных.

Вот внесли в правление ямщика. Распаковали его. И что же! Пар валил от него и его раскрасневшегося и даже вспотевшего сонного лица! Так за час скачки согрел его мой тяжелый кожух и тяжесть моего тела, когда я всю половину дороги сидел верхом на нем! Удивлению, ахам и охам, а потом и смеху и шуткам не было конца, когда растерянная фигура „пострадавшего" предстала сбежавшемуся народу.

Что бы не отвечать за павшего коренника и загнанных пристяжных, я приказал атаману составить протокол, сделал свои дела и уехал дальше.

Прошло 25 лет. Уже не задолго до великой войны — мне случилось быть в тех же местах. Я приехал на Кармалиновские хутора. Теперь эти хутора, подобно таким-же другим, переименованы в станицу.

Если станичный земельный надел (юрт) тянется *узкой полосой по реке, то дальние пайки казачьи* иногда отстоят от станицы на 25 и более верст и у хозяев этих много тратится как времени, так и сил на переезды для их обработки, а потом на перевозку добытых на пайке хлебов и соломы, а по этому в таких станицах обычно часто (обычно самых лучших хозяев и землеробов) с согласия общества, выселяется на хутора, где получает пайки уже или навсегда или на многие годы. Строятся там и образуют поселение в 300—400 *дворов. Строют свою церковь, школу и правление и*

и управляются своими выборными людьми, хотя все же зависят от станицы.

Порядок требования лошадей для поездок по службе обычно таков: нужно заехать, или послать кого нибудь в правление и пред'явить выдаваемый каждому должностному лицу и офицеру билет на право взымания лошадей. Там его запишут в особую книгу и сейчас же, если лошади не общественные, а содержутся не при станичном правлении, а у лица взявшего их с торгов, пошлют на этот „Почтовый двор" запречь и подать экипаж, куда приказано. Часто посылаемые не очень то торопятся, не торопятся и ямщики при запряжке, а потому, чтобы не терять времени, обычно лучше прямо ехать на двор к почтарю. Там запрягут в 5 минут и уже после нужно только заехать в правление и дать свой билет для записи его в книгу. Так сделал и я.

Меня ввезли в огромный, обнесенный тесовым, высоким забором чистый двор. Слева, на углу двора, возвышался большой новый дом, с двух сторон украшенный застекленной галлереей. Против дома на другой стороне двора и в глубине его — огромный амбар, конюшня, сараи для экипажей и далее навес, под которым в большом порядке сложены плуги, бороны, жатки и, наконец, большая паровая молотилка. Всюду видна заботливая рука и всюду разлито довольство, если не излишек. Двор заканчивался небольшим садом, а за ним — большие скирды соломы и сена.

На дворе меня встретил пожилой, но крепкий опрятный мужчина — хозяин. Поздоровался и вежливо попросил — пока лошадей перепрягут — зайти в дом чайку попить. Тут уже нас поджидала хозяйка. Еще не старая — полная женщина и пригласила к столу, на котором кипел ярко вычищенный самовар и во множестве были раставлены тарелки и миски с молоком, медом, свежим маслом, душистым хлебом и колочами.

За чаем разговорились. И вот хозяин, всмотревшись в меня внимательно, вдруг спрашивает: — А не были ли Вы в наших краях лет этак 25 — раньше. И не было ли случая, что у меня по дороге на ст. Сенгилеевскую зимою, чуть было не замерз ямщик? — Как же, говорю, было. И я вкратце рассказал ему этот случай.

Так вот говорит хозяин, когда я со смехом окончил свой рассказ, ведь ямщиченко то этот и был я самый. Правда, я таки переболел после этого, а как оправился, ушел от почтаря и нанялся работником к богатому казаку, вот здесь, на Кармалиновских хуторах. У казака было два сына, оба на службе, а дома работать некому, кроме меня, да еще сиротки — племянницы, бывшей у него на воспитании. Парень я был старательный и прижился у него во дворе, как родной, а когда Стеша подросла, он и отдал ее за меня замуж. Купил нам дом. Дал лошадей пару, коров, овец да еще и денег. Вот с этого самого мы со Стешей и пошли разживаться. Стал я переторговывать овощами, скотиной, после арендовал офицерские пайки под распашку, а лет 10 тому назад и купил через крестьянский поземельный банк в компании еще с двумя иногородними земли 50 десятин. У меня два сына, оба в солдатах. Неспособно нам приписаться в казаки. Нужно и коня, и седел, и все обмундирование сынам справлять за свой счет, а вот мои как пошли в солдаты с тремя рублями в кармане, да вот и все расходы мои на них. Все казна справила.

Опять же прийдут со службы казаки, еще пять лет держать строевого коня на готове, а запрягать его нельзя, да еще карауль его. Много нашего брата — „рассейского", кто поленивее — конокрадством занимается, да так, что никакие запоры не спасают. Лошадей у казаков много и все хорошие. Сведет, за ночь верст 60 и отмерит. Ну, там ищи ветра в поле. Опять же и казаки нас не обижают. И если ты человек правильный и к хозяйству расположение имеешь, то и помощь тебе всякую окажут и на ноги поставят. Вот отслужатся мои сыны — думаю паровую мельницу соорудить у нас на Кармалиновском. Есть в Ростове такая строительная контора. Подай заявление, приложи от общества удостоверение о себе и твоей кредитоспособности и приговор о разрешении строить мельницу — пришлют чиновника, осмотрит место, наведет справки о том, что может на месте выручить мельница, ну, а у нас ли она не выручит! Хлеба то ведь девать некуда. После сами построят. Передадут тебе ее в собственность, только с залогом до выкупа, ну, а лет через десяток незаметно и деньгу зашиб и мельницу выкупил. Много тут есть наших, что пришел из Рассеи с кнутиком, а теперь его в тысячах считать надо ..

Подали лошадей, я сел и, напутствуемый добрыми пожеланиями почтенных супругов, в великолепной крытой тачанке выехал с широкого двора...

Думы и мысли.

Еще о поселении казаков на землю.

В эмиграции, где человек ко всему привыкает и ничему не удивляется, редкое событие удостаивается такого внимания, как вопрос о возможности массового поселения казачьей эмиграции на землю.

Оно и неудивительно. С землей казак связан органически. Он — ее сын, ее жрец и служитель. Если у всякого эмигранта тоска по утерянной Родине сильна, то вдвойне сильна она у казака. Если русскому эмигранту тяжело мириться с вынужденным прозябанием в чужой европейской, американской или африканской стране, то вдвойне тяжело казаку, выхваченному революционным шквалом из его родной станицы и перенесенному в душный, шумный западный городящик, где все размерено, сдавлено, приглажено и прилизано. Казак на фабрике, что степной кречет, которому подрезали крылья и бросили в тесную клетку.

Оттого и заволновались так сейчас казаки, на протяжении десятка лет оторванные от материнской груди родной земли. Оттого столько об этом пишут, говорят, спорят советуют и предостерегают.

Как во всяком вопросе, так и здесь существуют свои оптимисты и пессимисты. Одни ожидают от поселения казаков на землю готового чуда, сказочных благ и перспектив, другие наоборот, боятся, что осевши на землю казаки потеряют свое национальное лицо, утратят прекрасные качества своего народа, захваченные лихорадкой обогащения, забудут о своей священной задаче — освобождении поруганной и растерзанной Родины от жестоких „единоплеменников".

Я не склоняюсь ни к той ни к другой категории, но как восторженный почитатель земли, не могу обойти молчанием столь знаменательное явление, как возможность перехода казачьей эмиграции к оседлой жизни.

Наша казачья эмиграция вместе с эмиграцией русской, рассеяна по всему земному шару. Перед русской она имеет то несомненное преимущество, что она значительно спаяннее, солидарнее, энергичнее и, я бы сказал, жизненнее. Казаки — не беспочвенные мечтатели, не абстрактные российские „политики", а живые реальные люди.

Независимо от своего положения и полученного образования, казаки составляют единую, дружную семью и это наш огромный плюс, которым мы вправе гордиться.

Мне скажут из российского лагеря что среди нас нет полного единодушия и единомыслия; что мы так же, как и другие части эмиграции, больны партийностью.

Да, к прискорбию! Но, если у нас имеется десять направлений, то у русских их сто. Если в нашем глазу и заметен сучек, то у русских виднеется целое бревно и, приглядевшись беспристрастно ко всему, что творится в эмиграции, можно с облегчением сказать: слава Богу, что мы казаки!

Увы, этого мало! Мы не имеем средств, мы бедны, а в политике бедность — не только порок, но настоя-

щая проказа. Политические колеса без денежной смазки едут очень медленно и плохо. Мы здесь, на примере западного мира, наглядно видим, как любит политический Молох денежные жертвоприношения, как угодливо склоняется он перед золотым тельцом.

Коротко говоря, — политика без материальных средств мертва есть, а где их взять, эти средства?

Мы живем на то, что зарабатываем своими мозолями. Если мы и не отрешились совсем от политики, так только потому, что наша спайка, наша казачья организация, позволяют нам хоть изредка подняться над повседневным исканием хлеба насущного и искать хлеба духовного.

Увы, этого недостаточно! На жалкие гроши, получаемые от скудности братьев-станичников, в поте лица своего добывающих свое дневное пропитание, не развернешься широко и многого не сделаешь. Еле-еле, что удается поддержать в редеющих рядах зарубежного казачества веру в его святое, правое дело.

Слабнет казачья сила, иссякает порох в дырявых пороховницах, а мы как раз сейчас переживаем время, когда всего этого должно быть вдосталь.

Наше движение молодое, о нас знают заграницей немного. Мы должны познакомить иностранцев с собой; должны их заинтересовать, заставить смотреть на нас нашими же глазами, а не глазами русской эмиграции. Мы должны окончательно рассеять те чудовищные представления о казаках, которые еще недавно прочно сидели в умах иностранцев.

А для этого нужны деньги, деньги и деньги.

Нам предстоит борьба, борьба на жизнь и смерть, жестокая и упорная, по всей видимости, длительная, ибо великие цели легко и скоро не достигаются. В борьбе нам нужны союзники, друзья, благожелатели. Чтобы снискать их, мы должны усиленно пропагандировать свое дело, парализовать нападки своих недругов и клеветников, а для этого нужны деньги, деньги, и деньги.

Наши дети выростают в чужой стихии, в чужой культуре, среди бешеной погони за наживой, где человека по одежде встречают, а по карману провожают. Наши дети вырастут чехами, сербами, немцами, французами и американцами, а нам нужно иметь их стопроцентными казаками, помнящими о своей под'яремной Родине и готовыми для нее на жертвы. И опять нужны деньги, деньги и деньги а где их взять?

Трудом рабочего, батрака, носильщика или циркового джигита много не заработаешь, и уж во всяком случае, капитала не собьешь.

Проклятый „кишечный" вопрос, вопрос существования, отвлекает нас от дела, заставляя по целому свету помыкаться в поисках работы; хвататься за всякое ремесло, за каждую возможность, лишь бы не пропасть с голоду, лишь бы сохранить бренный телесный ящик до великого дня, — дня Освобождения.

Распыляется казачья семья в эмиграции. Тот женился на иностранке и осел там, где счастье удалось поймать за хвост. Иной ремесло какое нибудь приобрел или знание, и отдался ему целиком. Один актером заделался и продолжает кочевать по белу свету, а другой на фабрике устроился, или на ферме и торгует упругостью своих мускулов. До политики ли тут?

А годы идут, один за другим, тяжелые, беспросветные, обманчивые... Вырывают они из нашего строя бойцов... Многих смертная усталость одолела и отправились они на вечный покой, не дождавшись светлого дня Воскресения Родного Края. А иные сами мирно расказачились, обезличились утратили сознание своего долга в вихре мирской сцены...

Сколько встречал я земляков, в одиночку заброшенных к чужим людям, в глухие места, которые и говорить то разучились по родному. Отвечает тебе чудовищной смесью русских, сербских, болгарских или польских слов, а то загнет и по румынски, гречески или еще как нибудь.

А что дети? Не будут они казаками. Выростут из них иностранцы, среди которых они получили свое воспитание или образование, культуру которых впитали в себя с детства.

Так мирно, тихо, без шума, без крови, без услуг Г. П. У. выйдет наша казачья эмиграция в расход, в силу непреложных законов денационализации и ассимиляции.

Дай Бог, конечно, чтобы мы скоро возвратились домой, но судьбы Господни неисповедимы и сроки нам не указаны.

А время идет, бежит, летит и делает свое дело. Мы должны быть готовы ко всему...

Еще пять, еще десять, еще двадцать лет и может случиться, что казака не сыщешь днем с огнем: здесь вымрут и обезличатся, а там выгубят их огнем, железом, голодом и комсомолом.

И тут то готова прийти нам на помощь наша общая мать земля. Да, в земле спасение казачества! Земля казака не выдаст, не расказачит. Нужно сконцентрировать нашу казачью эмиграцию, если не в одно, то по крайней мере, в немногие места, посадить ее на землю, создать свои станицы, школы, библиотеки и т. п.

Нужно подготовить новое поколение, чтобы оно явилось достойным преемником и хранителем тех заветов и задач, в борьбе за которые умирали его отцы; умирали, но не сдались, гнулись, но не сломились и с честью держали родные знамена до конца, чтобы передать их новым людям, на долю которых выпадает еще немало жертв и подвигов.

Я не говорю, что это непременно должно быть Перу. Пусть Новая Гвинея, Австралия, Южная Америка, Канада, или Океания, но только чтобы дело делалось всем миром, всей нашей казачьей эмиграцией.

Мы имеем сейчас в своей среде людей всех квалификаций, умудренных жизнью, наученных школой, закаленных борьбой за существование. Мы — сила, не слепая, не примитивная, а сознательная и культурная. Нужно умело использовать эту силу и тогда казак останется казаком. Тогда не страшны нам будут ни индейцы, ни папуасы, ни готентоты, да и большевикам прийдется с нами считаться.

Казак трудолюбив и предприимчив. Казак полюбит землю, на коей осядет. Пройдут годы, под казачью эмиграцию будет подведен фундамент, появятся новые люди, сильные волей, вооруженные знаниями, взлелеянные родной речью и казачьим духом, располагающие средствами, которые мы накопили и им, быть может, будет принадлежать честь освобождения старой Родины из когтей Москвы.

Нам, как воздух, нужна база, а мы ее не имеем. Мы должны ее найти! Там мы осядем, укрепимся, начнем работать, станем словом и делом помогать осуществить великое и благородное дело.

Мир узнает о нас; мир о нас заговорит и будет к нам прислушиваться. Вспомним какую огромную роль в деле освобождения своих народов сыграли эмиграция польская, ирландская, или чешская.

Какую колоссальную поддержку, материальную и моральную, черпали поляки и чехи от своих американских собратьев. Не будь американских единоплеменников, кто знает, как бы сейчас сложились судьбы этих народов...

А в наши дни разве большевики не расшаркиваются перед разными еврейскими организациями в Америке только потому, что те экономически мощны?

Эмиграция это — пионер, прокладывающий тропинку к международной совести и завоевывающий международный интерес к своему делу.

Наша казачья эмиграция имеет великую задачу перед собой. Она ее осуществит, но для этого она должна быть единой, целой и сконцентрированной, ибо в единении сила.

Наши вожди, отрешившись от мелких дрязг, должны подумать где и как реализовать наши жизненные стремления.

Российским же вином, все равно красным или белым, братья-казаки пусть не упиваются, ибо в нем есть великий блуд.

Правда — в нас самих!

Н. Нечуй-Левицкий.

Международная жизнь.

Смерть Клемансо; Тардье — его „ученик".

Вслед за маршалом Фошем Франция потеряла еще одного из своих великих людей — „отца победы" Клемансо.

11 ноября 1918 г., через несколько часов после того, как в 11 ч. утра замолкли орудия западного фронта и было подписано перемирие, во французском парламенте был проведен короткий, но многозначительный закон: „§ 1. Армия, ее вожди, правительство Республики, председатель правительства и министр военных дел гражданин Георгий Клемансо, маршал Фош, генералиссимус союзных армий — оказали большие услуги своей родине. § 2. Текст этого закона пусть будет начертан на вечные времена во всех городских думах и школах Французской Республики".

В этом законе — высшая награда страны своему народному герою. В дни поражений итальянцев, огромных потерь англичан и выбытия из рядов союзников России, взял в свои руки Клемансо кормило государственного правления. Война в это время казалась проигранной. Фабрики и заводы были полны социалистических агитаторов, требовавших мира. Народ устал от войны и становился добычей пацифистической пропаганды. Отчаяние овладевало душами бойцов на фронте. Начался традиционный в такие минуты правительственный кризис, правительство подало в отставку. Сильная власть и сильная рука могла бы лишь спасти положение. И общественное мнение с упованием смотрело на Клемансо. Он часто громил общество, у него было много врагов, он неоднократно вел бой со всем парламентом, но он был последним живым из тех, кто и после позорного поражения в последней франко-прусской войне протестовал на Национальном Собрании в Бордо против кромсания французской земли путем уступки Эльзас-Лотарингии. Он был символом реванша и войны до победного конца. Только такой человек и мог повести в эти дни страну. И Франция в Клемансо не ошиблась

В тяжелые дни Клемансо видел перед собой одну задачу — победить. Не советуясь, не совещаясь он в двух словах об'явил свою программу: „Je fais la guerre!" (я веду войну). Заграничная политика? — „я веду войну!" Программа политики внутренней? — „я веду войну!" Полное подчинение всего и вся единой идее, превращение всей страны во фронт и всего народа в армию, — вот дело рук Клемансо.

Революционер и анархист, и по происхождению и по природе, он нашел в себе мужество во имя конечной свободы не считаться с традициями политической жизни Франции и круто расправлялся со всеми, кто не хотел служить идее победы: не допускал саботажа рабочих, арестовывал агитаторов, закрывал газеты. Достиг он и того, что тщетно пытались достигнуть долгими переговорами его предшественники: единства военного союзного командования.

И война была выиграна, ибо Клемансо сумел сделать всю Францию единой перед ликом войны. Ореол необыкновенного триумфа и славы окружил его имя. Дальше — дальше его ждала судьба одного из тех людей, без которых не может обойтись народ в определенные дни и часы, но правда которых слишком сильно режет глаза, чтобы слушать ее постоянно. Клемансо от политической жизни ушел и не возвращался к ней уже до дня своей смерти.

Дело рук Клемансо, — великий исторический пример и поучение. И поучением является оно не только его соотечественникам, но и всем: подчинить все, все побуждения, все взгляды одной главной идее, во время забыть все партии и партийные доктрины и соединить в одно и мысли и действия — в этом залог успеха не только для французских деятелей, но и для всех, кто стоит перед большими политическими задачами, имея за спиной разровненную и без конца лишь говорящую массу. И что то знаменательное невольно чувствуется в том, что в те дни, когда в землю опускается гроб Клемансо, Франция опять хотя немного являет картину внутреннего единства, имея во главе своего правительства „ученика Клемансо" — Тардье. И этот „ад'ютант" Клемансо был вытеснен из политической жизни атаками за Версальский мир, и общественное мнение Франции проявило большое удивление, когда он впоследствии занял министерское кресло в кабинете Пуанкаре, привлекая на себя нападки слева за явно выраженные националистические тенденции. Но видно в дни, когда надо решать трудные проблеммы, во французском парламенте дуют иные ветры. Пал кабинет Бриана, начались бесконечные переговоры по составлению новых политических кабинетов. Но после того, как в результате доктринерства и выставления на первое место партийных интересов, они не привели ни к чему, был составлен кабинет на иных началах — деловых.

Трудности современных проблемм Франции, особенно проблеммы отношений с Германией, конечно, нельзя сравнивать с безнадежностью положения, при котором вступал на свой пост Клемансо. Однако, параллели означаются ясно. И тогда и теперь отдается примат народу и Франции, и политика внешняя и внутренняя мыслится, как служение единым целям и единым задачам. При традициях чехарды кабинетов французского парламента, и большинства 327 против 256 голосов нельзя сказать, сколь долго продержится министерство Тардье. Однако, то сравнительное умиротворение, которое чувствуется во французской политической жизни от дня вступления кабинета Тардье до сих пор, во всяком случае не может не принести известного оздоровления и отдыха политическим сферам Парижа.

В. Б—г.

Помогите, слепому!

Казаки-кубанцы и казаки других войск!

Очередное наше общее несчастье, взывающее к нашей непосредственной моральной и материальной, братской, поддержке!

Помогите всем, чем только сможете помочь, еще не старому, но ослепшему от непосильной работы полковнику Кубанского войска, Ивану Яковлевичу Подпорину.

Став слепым, полковник Подпорин покушался на самоубийство, но был удержан от этого страшного намерения ближайшими станичниками, убедившими несчастного не накладывать на себя рук.

Братья-Казаки!

Что наш казак ослеп, с этой тяжелейшей карой Бога, мы не в силах бороться, но спасти потерявшего дух станичника мы сможем. Это нам подсказывает наше отзывчивое сердце, наша совесть и наша присущая нам, кавказам взаимная выручка.

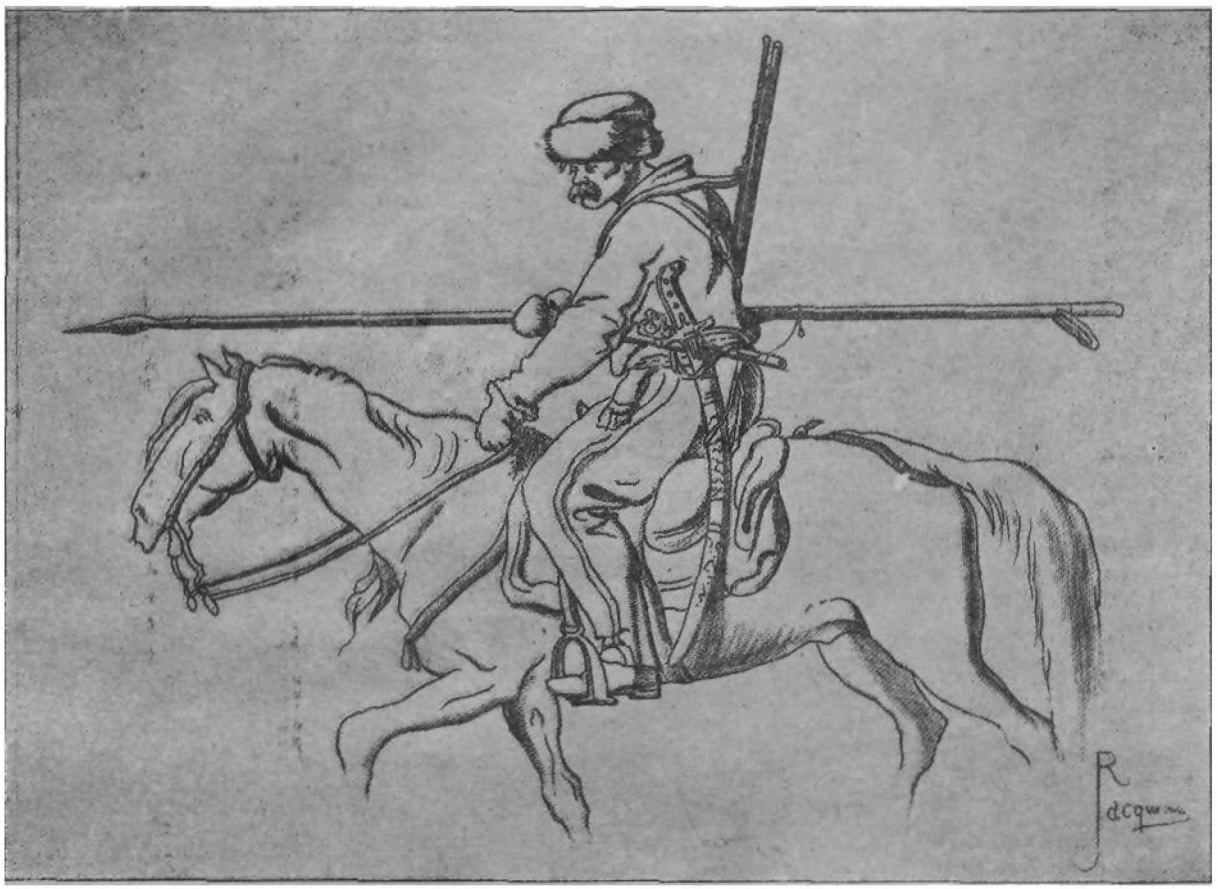
Пусть каждый из нас — от генерала и до последнего казака — урвет самую маленькую частицу из своего скромного заработка для немогущего работать нашего кровного казака! Когда этот несчастный увидит, что он незабыт, тогда закрывшийся от него белый свет не будет для него таким темным, каким он ему, потерявшему дух, кажется.

Помогите, станичники, слепому!

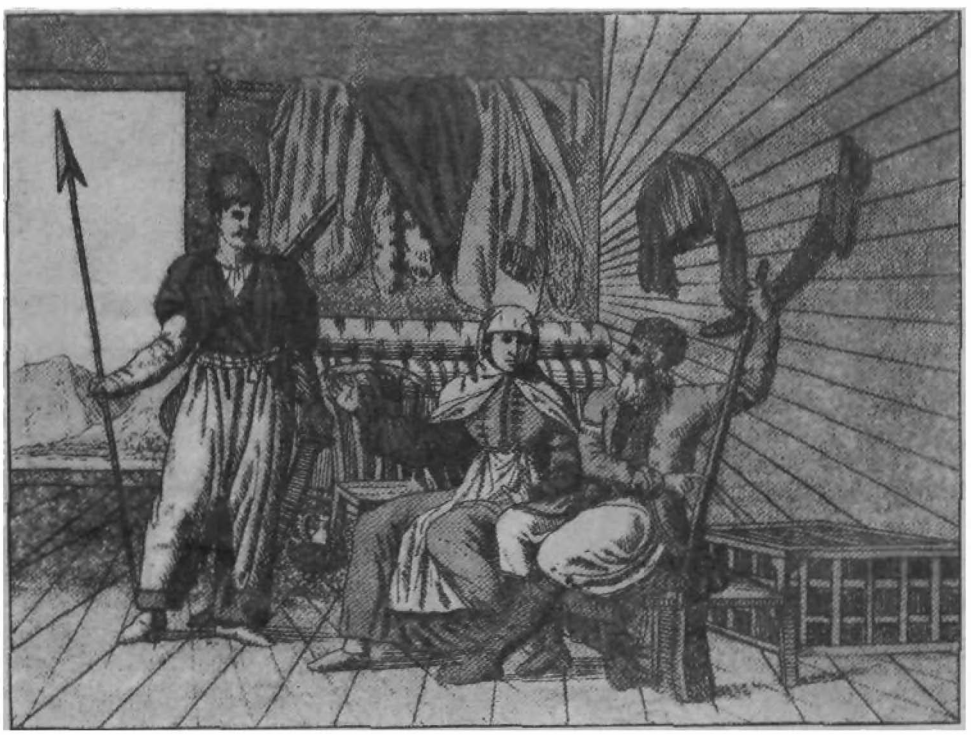
Денежные пожертвования прошу направлять на имя представителя журнала „В. К." в Румынии В. П. Елисеева или И. А. Дудинову, адрес которого: M-r J. Dudinoff fabrika de „Petrol Block" Baneasa Bucharest. (Roumanie).

Все пожертвования, поступившие для ослепшего полковника Подпорина будут опубликованы в журнале „Вольное Казачество".

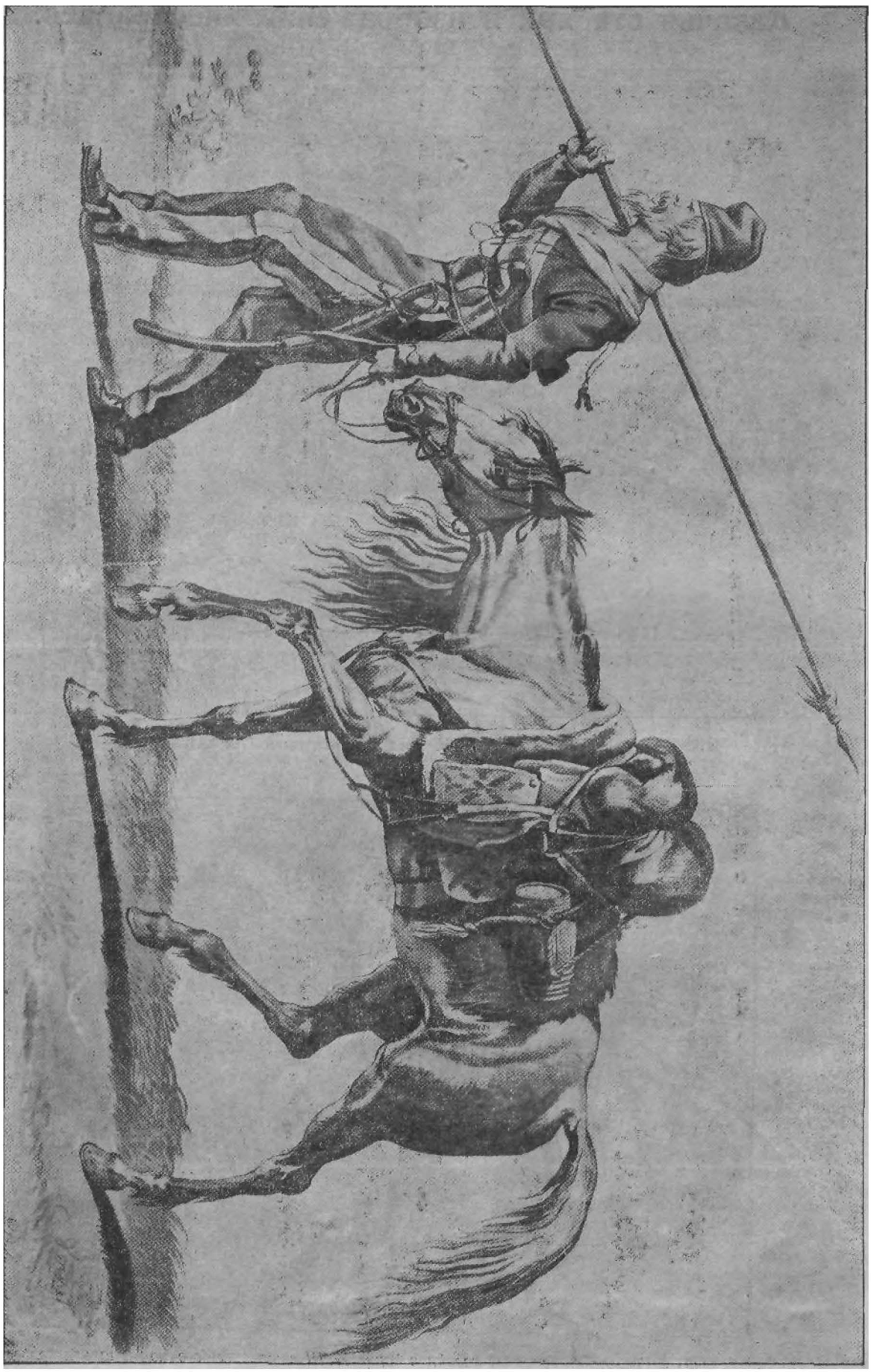
Казачья старина в изображении иностранцев.

Донской казак. Рисунок сделан с натуры в 1794 году.

Черноморский (слева) и Гребенской (справа) казаки в конце XVIII столетия (с одной итальянской гравюры).

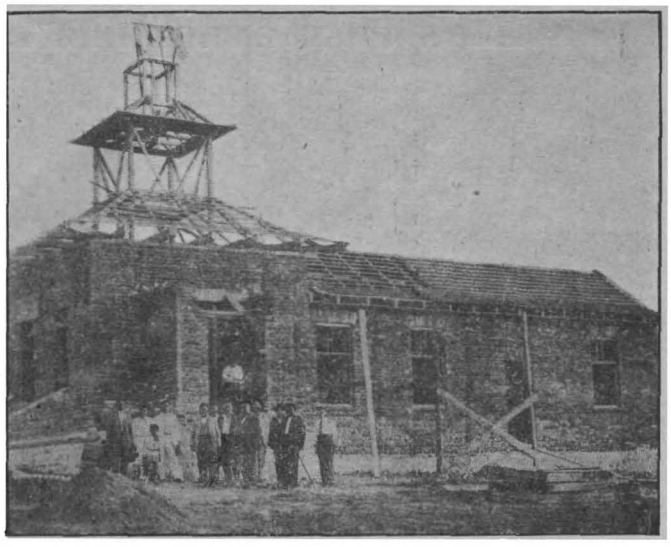

Донской казак в 1813 году на Парижских бульварах. Рисунок сделан французским художником.

Казачья эмиграция в иллюстрациях.

Джигит, вахмистр Д. Тырин (кубанец) салютует публике на прощанье после джигитовки в одном из немецких городов (из немецкого иллюстрированного журнала).

(1)

(2)

(4)

(3)

(5)

1. Строющийся калмыцкий (буддийский) храм в Белграде

2. Калмыки-рабочие на французских заводах в 1925 г.

3. Группа джигитов на Моравe.

4. Калмык на английской военной службе в 1923 г.

5. Джигиты в гостях у „Кубанской колонии" в Подебрадах.

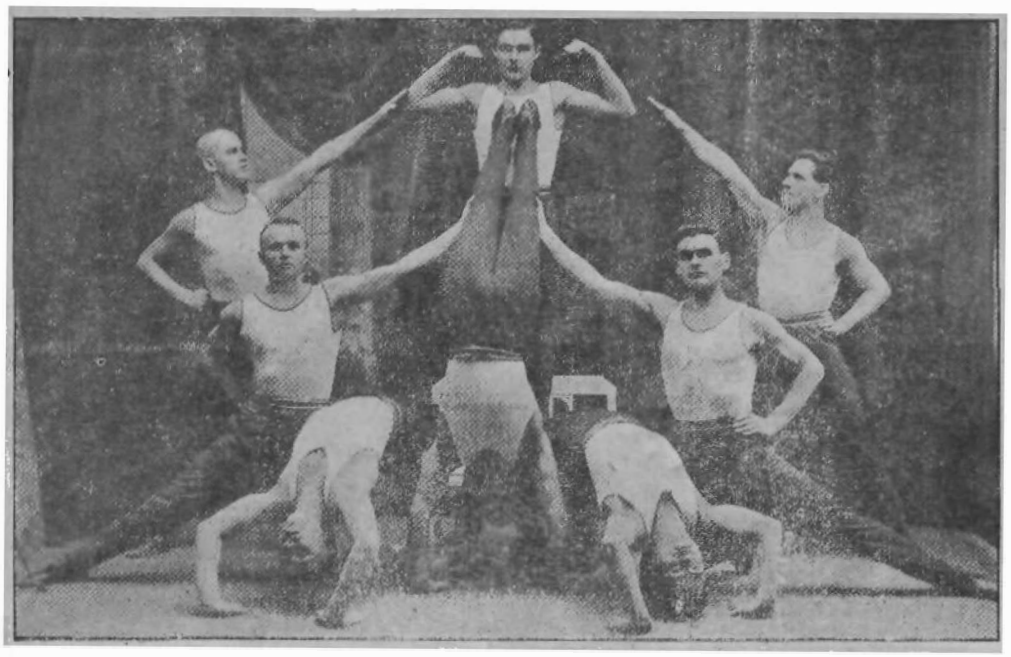
3-я Уманская сотня 2-го сводного Кубанского полка в Югославии (село Мусуль) в 1922 году.

Второе Правление Сковуза. Слева направо: инж. Б. В. Фесенко, нынешний Ат. О. К. С. С. С. инж. В. К. Попков, инж. П. И. Колачев, нынешний председатель Сковуза И. Р. Кохановскоя и инж. Кулик. (Фот. перед. Б. В. Фесенко.

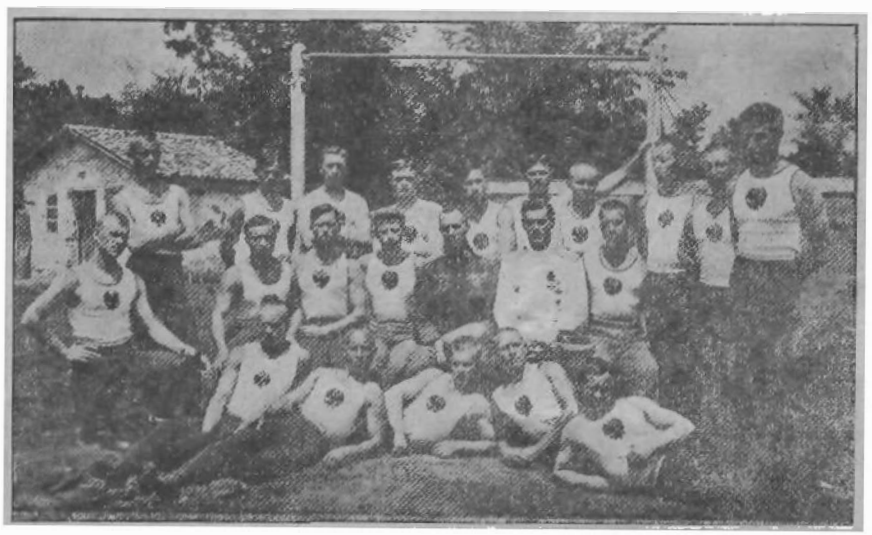
Группа кавказов-студентов в Брно (сзади слева покойный Ю. Ф. Гончаров).

1)

(2)

1. Группа кубанцев - соколов в Подебрадах.

2. Гимнастическая группа Атаманского В. Училища в Ямболе (Болгария) в 1922 г. Все гимнасты – с оленем на груди.

3. Казачье отделение в офицерской гимнастическо-фехтовальной школе в Тырново в 1921 г.

(3)

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХ

„ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА–ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА“

на 1930 год.

В литературно-политическом сборнике-альманахе календаря помещены следующие статьи и произведения:

И. Билый. Казачья Идея.
Конст. Поляков. Родная Песня.
Ис. Быкадоров. Казакия (историко-географический очерк).
Л. Самсонова. Путь. (Поэма).
Д-р **С. Федоров.** Краткий очерк истории Казачества.
С. Балыков. Калмыкам. (На калмыцком языке).
С. Савицький. *** Вірш.
П. И. Кокунько. Батарейка Тиховского. (Странички прошлого).
П. Крюков. *Донцам. Стихи.*
В. П. Елисеев. Два раза под Петроградом.
Виктор Карпушкин. *** Стихи.
М. Бытынський. Казачьи гербы.
Ал. Персидсков. Казакия. Стихи.
И. Билый. Территория и население Казачьих Земель.
Я. Рудик. *** Вірш.
Инж. **В. Бейсуг.** Экономический очерк Казачьих Земель.
Л. Костина. Снежные искры. Стихи.
Вл. Куртин. Осколок.
Ф. Полковников. *** Стихи.
Санжа Балыков. Чонкушка.
Вл. Поляков. *** Стихи.
А. А. Гейман. По закону или не по закону?
Олександр Півень. Рак-неборак-взаду очі.
Сергей Макеев. У ворот Кубани.
Ив. Бойко. *** Стихи.
Гнат Макуха. Могила.
Борис Кундрюцков. *** Стихи.
Вадим Кургавский. Приход.

В виду большого интереса со стороны казачьей эмиграции к первому казачьему календарю-альманаху и идя навстречу просьбам казаков о его удешевлении, окончательная цена календаря назначена:

в Ч. С. Р. — 15 к. ч.; заграницу — ½ ам. доллара.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 289.

Р. С. Ф. С. Р.
ОРЕНБУРГСКОЕ ВОЙСКО
ЧЕЛЯБИНСК
ОРЕНБУРГ
УРАЛЬСК
р. Урал
АКТЮБИНСК
АВТ. НЕМЕЦКАЯ РЕСП.
УКРАИНА
ЦАРИЦЫН
УРАЛЬСКОЕ ВОЙСКО (ЯИК)
КИРГИЗЫ
НОВОЧЕРКАСС
ТАГАНРОГ
МАРИУПОЛЬ
РОСТОВ
ГУРЬЕВ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЕЙСК
АСТРАХАНСКОЕ ВОЙСКО КАЛМЫКИ
ЭЛИСТА
АСТРАХАНЬ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
КУБАНЬ
КРЫМ
КЕРЧЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
СТАВРОПОЛЬ
ТЕРЕК
НОВОРОССИЙСК
АЛЕКСАНДРОВСК
ТУАПСЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ВЛАДИКАВКАЗ
ТУРКМЕНЫ
И. Билый — Е. Битинский — 1929.